

Всемирная история

Михаил ЕЛИСЕЕВ

ВОЙНЫ МИТРИДАТА

Всемирная история (Вече)

Михаил Елисеев
Войны Митридата

«ВЕЧЕ»

2016

Елисеев М. Б.

Войны Митридата / М. Б. Елисеев — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Всемирная история (Вече))

ISBN 978-5-4444-8647-4

Митридат VI Евпатор, правитель Понта и создатель Черноморской державы, был последним великим царём эллинистического мира, который с оружием в руках встал на пути агрессивных устремлений Римской республики. С детства возненавидев это волчье племя, Митридат пронёс ненависть к Риму через всю свою жизнь и до последнего дня мечтал о победе над лютым врагом. Три войны, которые он вёл против этих захватчиков, окончательно изменили античный мир, и после этого римская гегемония в Средиземноморском регионе стала непререкаемой.

ISBN 978-5-4444-8647-4

© Елисеев М. Б., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Явление Митридата (134–111 гг. до н. э.)	6
Митридат в античной историографии	6
Натиск на Восток	9
Схватка за власть	16
Армия Митридата	23
Создание Черноморской державы (111–106 гг. до н. э.)	26
От Пантикапея до Херсонеса	26
Война против скифов	34
Базилевс Савмак	43
Подвиги Неоптолема	52
Покорение Колхиды	59
Владыка Востока (106—90 гг. до н. э.)	63
Игры с огнем	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Михаил Елисеев

Войны Митридата

© Елисеев М. Б., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Митридат, царь Понта, человек, которого нельзя ни обойти молчанием, ни говорить о нем без внимания, в войне изощренный, славный доблестью, а подчас и воинским счастьем, всегда великий духом, вождь в замыслах, воин в бою, а в ненависти к римлянам – Ганнибал.

Гай Веллей Патеркул

Ведь для войны с Пирром было достаточно четырех лет, с Ганнибалом – тринадцати, Митридат же сопротивлялся сорок лет, пока не был сломен в трех величайших войнах счастьем Суллы, храбростью Лукулла, величием Помпея.

Луций Анней Флор

Явление Митридата (134–111 гг. до н. э.)

Митридат в античной историографии

Как это ни парадоксально прозвучит, но о Митридате VI Евпаторе¹ нам известно и слишком много и слишком мало. Много – это потому, что войны Евпатора с Римом достаточно хорошо освещены в античной традиции. Царь Понта большую часть своей жизни воевал против республики, и поэтому именно этот период времени нам лучше всего известен. Мало – это потому, что сведения о ранних годах жизни Митридата и начале его царствования больше напоминают легенду, чем историческое исследование. У античных авторов нет связного повествования о борьбе Евпатора за власть в Понте и создании Черноморской державы. Об этом периоде сохранились лишь обрывочные сведения, большая часть которых имеется в «Географии» Страбона, в разделах, посвящённых региону Понта Эвксинского. В них учёный касается некоторых аспектов деятельности Митридата, а также рассказывает о походах его полководцев.

Уроженец понтийского города Амасьи Страбон (63 до н. э. – 23 гг. н. э.) был не только географом, но и историком. Но до нас дошла лишь его «География» в XVII книгах, а другая работа – «История» – не сохранилась, и об этом можно только сожалеть. Дело в том, что дед учёного по материнской линии в своё время входил в ближайшее окружение Митридата VI и Страбон наверняка знал множество подробностей из жизни знаменитого царя. Тем не менее в книгах VII (Истр, Германия, Таврика, Скифия) и XI (Кавказ, Гиркания, Парфия, Бактрия, Мидия, Армения) мы находим некоторые сведения о жизни и деятельности Евпатора. Это прежде всего данные о его войнах со скифами в Таврике и о борьбе за трон Боспорского царства. Также там содержится информация о боевых действиях на Кавказе. Как уже отмечалось, это период жизни царя наименее освещён в письменных источниках.

Совсем иную картину мы наблюдаем при изучении войн Митридата с Римом. Аппиан посвятил этой теме целый раздел, а у Плутарха первая и третья война изложены в биографиях Суллы, Лукулла и Помпея.

Аппиан Александрийский (умер в 70-е г. II в. н. э.) был греком по национальности, затем получил права римского гражданства и в дальнейшем занимал видный пост в администрации Египта. В своей «Римской истории» он хотел показать величие Римской державы, а также справедливость и закономерность установления римской власти над другими народами. Впрочем, не он первый, не он последний, кто старался подобную идею донести до читателей. Хронология произведения охватывала период от царских времён до современной историку эпохи. Свой труд Аппиан построил довольно своеобразно, поскольку описание событий у него происходило по этническому принципу. Автор рассказывал историю различных земель до их присоединения к Риму, в том порядке, в каком они попали под его власть. Из 24 книг до нас дошли целиком 6–8 и 12–17, а кроме того, от некоторых сохранились небольшие, а порой и довольно значительные фрагменты. Несмотря на то что Аппиан очень добросовестно отнёсся к своей работе, приводимые им факты иногда расходятся с данными других письменных источников. В частности, историк неточен с именами, датами, последовательностью событий и географическими именами. Для нас наибольший интерес представляет глава «Митридадовы войны», где главным героем является понтийский царь. Сделав

¹ Евпатор – Благородный.

краткий исторический обзор состояния дел в Малой Азии накануне вооружённого столкновения между Римом и Понтом, автор затем рассматривает причины и ход войн.

Рассказ Аппиана прекрасно дополняют биографии Плутарха, посвящённые тем римским полководцам, которые воевали против Митридата. Грек Плутарх, родом из Херонеи, живший в I в. н. э., был очень образованным человеком и талантливым писателем. Он занимал высокое положение в римской администрации. Городок Херонея, в котором проживал Плутарх, находится в Центральной Греции, в области Беотия. Как раз в тех местах, где шли ожесточённые бои во время первой войны Митридата против Рима. Причем одна из решающих битв произошла как раз в непосредственной близости от Херонеи, города, где жил писатель. Не будучи знатоком военного дела и обычно не уделяющий достаточного внимания боевым операциям, эти сражения Плутарх освещает на удивление подробно и грамотно. Вполне возможно, что делал он это на основании местных преданий и других сведений, о которых мог узнать в Херонее и её окрестностях. Недаром Плутарх отмечал, что пишет не историю, а биографии, откуда читатели должны черпать примеры того, чему надо подражать и чего следует избегать. Писатель любит пересказывать сплетни и анекдоты, но именно в его работах сохранилось множество ценных фактов, не упомянутых у других историков. Сулла, Лукулл, Помпей Великий – вот те полководцы, которые сражались с грозным царём и чьи биографии были составлены Плутархом. Сопоставив сведения Плутарха с рассказом Аппиана, мы получаем подробную и яркую картину противостояния Рима и Митридата.

Информацию о рождении, детстве и восхождении на трон Митридата, а также о его подготовке к войне с Римом нам сообщает Марк Юниан Юстин, римский историк, живший в III в. н. э. Юстин – автор извлечения из не дошедшего до нас обширного исторического труда в 44 книгах более раннего римского историка Помпея Трога. Сочинение это называлось «История Филиппа» и было посвящено отцу Александра, македонскому базилевсу Филиппу II. Извлечение Марка Юниана содержит обзор всемирной истории, но основное внимание он уделяет истории Македонии, а также событиям в Малой Азии. Временные рамки – от мифических времен до I века до н. э. Повествование Юстина отличается простотой и доступностью изложения, включает в себе много интересного, но не следует тщательной хронологической последовательности событий. Подвергнув труд Помпея Трога основательной переработке, Марк Юниан, подобно Плутарху, заостряет главное внимание на описании наиболее занимательных и поучительных фактов, часто недостоверных, но передающих колорит эпохи. Это касается и тех сведений, которые автор сообщает о Митридате, о молодости царя и начале его правления. Хотя, как уже отмечалось, некоторые из этих известий носят легендарный характер. Особый интерес представляет речь Евпатора к своим войскам, в которой очень точно излагаются причины, побудившие царя к войне с Римом. Здесь перед нами однозначно имеет место антиримская традиция, которая присутствовала в труде Помпея Трога. Очень ярко показана хищническая сущность римского государства, именно такой, какой её видели зависимые и покорённые народы.

Также известия о войнах Митридата с Римом есть в трудах римских историков Веллия Патеркула и Луция Аннея Флора. Веллий Патеркул (19 г. до н. э. – 31 г. н. э.) старый вояка, служивший в своё время под знамёнами императора Тиберия, обожал своего командующего. Поэтому его «Римская история» с восхищением рассказывает о деяниях императора. «История» состояла из двух книг. В первой книге описывались события от основания Рима и до разрушения Карфагена и Коринфа, а во второй – от 146 г. до н. э. до битвы при Акции и завоевания Египта Октавианом. Уделил Патеркул достаточно внимания и понтийскому царю, признавая его достойным противником Римской республики и подчёркивая выдающиеся качества: *«В войне изощренный, славный доблестью, а подчас и воинским счастьем, всегда великий духом, вождь в замыслах, воин в бою, в ненависти к римлянам Ганнибал»*. Что и говорить, довольно лестная характеристика. Особенно если учитывать тот факт, что

она исходит от римлянина, поскольку те традиционно очень негативно отзывались о своих врагах.

Луций Анней Флор (70—140 гг. н. э.) составил краткий обзор всех войн, которые вел Рим с древнейших времён вплоть до заключения мира с Парфией при императоре Августе. Полностью работа называется «Эпитомы Тита Ливия». Луций Анней родился в Африке. При императоре Домициане он переехал в Рим, затем какое-то время жил и преподавал в Испании и лишь при Траяне вернулся обратно в Италию. В «Эпитамах Тита Ливия» понтийскому царю посвящена глава «Война с Митридатом», в которой Флор, не вдаваясь в подробности, даёт сжатое изложение всего противостояния.

Особое место среди тех античных авторов, кто оставил сведения о легендарном царе, особое место занимает римский историк Гай Саллюстий Крисп (86—35 гг. до н. э.). Крисп является автором исторических монографий «О заговоре Катилины» и «Югуртинская война», а также «Истории», от которой сохранились отдельные фрагменты. В них есть упоминания о Митридате VI. Кроме того, Саллюстий приводит очень важный документ – письмо Евпатора к парфянскому царю Аршаку. Это – классический взгляд на ситуацию с противоположной стороны фронта. Наглядная иллюстрация того, как люди, против которых была направлена римская агрессия, её воспринимали, и как планировали с ней бороться.

Необходимо отметить и греческого историка Мемнона, который жил на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. и оставил историческую хронику «О Геракле». Автор, уроженец этого города, находившегося на южном побережье Чёрного моря, прекрасно знал то, о чём рассказывал в своём труде. Для этого он использовал городские архивы, а также сочинения своих земляков историков о войнах и походах Митридата Евпатора. Сочинение Мемнона частично сохранилось в выписках и извлечениях константинопольского патриарха Фотия, жившего в IX в. Тем не менее из труда Мемнона можно узнать очень много интересных фактов, о которых не упоминают другие античные авторы.

Также о Митридатовых войнах рассказывает римский историк Флавий Евтропий, занимавший видные посты в империи и бывший консулом в 387 г. н. э. Евтропий является автором краткой истории Рима в десяти книгах – от легендарных времен и до правления императора Валентиниана I, под названием «Бревиарий от основания города». Секст Юлий Фронтин (30—103 гг. н. э.), военный и политический деятель эпохи династии Флавиев, в работе под названием «Стратегемы» (Военные хитрости), также рассказывает о некоторых эпизодах противостояния Митридата и Рима. В капитальном труде великого римского историка Тита Ливия «История Рима от основания города» главы, посвященные войнам республики с царем Понта, до нашего времени не дошли. Но сохранились их периоды – краткие изложения, в которых также содержится интересная информация.

Натиск на Восток

Римская агрессия в регионе Восточного Средиземноморья в III–II вв. до н. э. стала настоящим бедствием для народов Балканского полуострова и Малой Азии. От тяжелой поступи легионов сотрясаясь Ойкумена². Рушились государства, богатые и процветающие города стирались с лица земли, а сотни тысяч свободных людей были обращены в рабов и влачили жалкое существование. Надменный и грубый народ с берегов Тибра объявил себя вершителем судеб человечества. И опирался он при этом только на одно право – право силы. То самое право, которое позволяет творить что угодно и с кем угодно до тех пор, пока не появится ещё более грозная сила.

Так же произошло и с Римской республикой. Её полководцы терроризировали соседние государства и народы до тех пор, пока не натолкнулись на неожиданный отпор. В целях грабежа и захвата новых земель, римляне углублялись всё дальше и дальше на восток, где и столкнулись с Парфянским царством. Парфяне, наследники боевых традиций Ахеменидов и скифов-парнов, приняли брошенный им вызов. В битве при Каррах римская армия вдребезги разбилась о сверкающую броню воинов катафрактов. Голова полководца Марка Красса полетела к подножию трона парфянского царя, а гордые римские орлы, перед которыми трепетали страны и народы, были выставлены в качестве трофея в столице Парфии Ктесифоне. Натиск на Восток был остановлен, а позор от этого поражения преследовал римлян на протяжении долгого времени. Но путь к этой победе над сыновьями волчицы, которые ограбили и поработили половину Ойкумены, был долгим, страшным и кровавым.

Кто только не выступал против римлян, кто только не встречался с ними на поле боя! Пирр Эпирский и Ганнибал, македонские цари Филипп V и Персей, правитель державы Селевкидов Антиох III Великий и Аристоник Пергамский. Все эти люди жили в разное время и располагали разными возможностями, но имели одну цель – остановить римскую агрессию. Однако всё было тщетно, и в силу различных причин эти попытки потерпели неудачу.

Первым, кто по-настоящему перепугал квиритов³, был царь Эпира Пирр, блестящий стратег и тактик, двоюродный племянник Александра Македонского. Идея создания на Западе монархии, подобной той, которую создал его великий родственник на Востоке, увлекла эпирского царя. И здесь римская агрессия против греческих городов на юге Италии пришлась Пирру очень кстати. Италийские греки не могли противостоять планомерному натиску римлян, но призвав на помощь лучшего полководца эпохи, имели все основания рассчитывать на успех. И Пирр сначала их надежды оправдывал. Последовательный разгром двух римских армий чётко продемонстрировал всему миру, кто есть кто.

Но три причины свели на нет все усилия великого полководца. Во-первых, в отличие от своего двоюродного дядюшки, он не обладал должной последовательностью в достижении цели и часто, что-то успешно начав, бросал, не доведя до конца. Великий Македонец такой непоследовательностью не грешил. Наоборот, Александр любое свое начинание доводил до логического завершения. У Пирра же всё было наоборот. Получив приглашение от эллинов Сицилии помочь им в борьбе против Карфагена, царь посчитал свою миссию в Италии законченной и, переправившись на остров, ввязался в новую войну. Не доведя до ума и сицилийские дела, он вновь вернулся в Италию. Но пока царь метался туда-сюда, римляне оправились от разгрома и нанесли ему сокрушительное поражение.

² Так древние греки называли обитаемый мир.

³ Квириды – римские граждане.

Второй причиной, по которой Пирр потерпел неудачу, было то, что Эпир, служивший ему основной базой, обладал крайне скромными возможностями для проведения таких масштабных мероприятий. Отправляясь в Италию, царь получил довольно серьёзную поддержку войсками и финансами из Македонии, но это было только один раз и в дальнейшем подобная благотворительность прекратилось. А сам по себе Эпир был не в состоянии вести длительную войну с Римской республикой, поскольку материальные и людские ресурсы противоборствующих сторон были просто несопоставимы.

Третья причина вытекала из второй. Нежелание италийских греков нести тяготы войны сводило на нет все успехи эпирского царя. Эллины решили, что раз пришел Пирр, то пусть он и воюет, а их это уже не касается. Но царь так не думал, а потому затребовал от греков денег на содержание армии, а также стал проводить тотальную мобилизацию граждан. Собственных войск для борьбы с Римом Пирру было недостаточно, они могли лишь служить ядром будущей союзной армии. Всё это в дальнейшем привело к конфликту между царем и эллинами. Поэтому Пирр, в очередной раз бросив италийские дела, метнулся на Балканы, где и увяз в войнах с македонцами. Реальнейший шанс остановить римскую агрессию в самом начале был упущен, а греческие города Италии были завоеваны квиридами. Но теперь возник закономерный вопрос – куда дальше эта агрессия будет направлена? На Восток или на Запад?

Легионы направились на Запад. Рим вступил в затяжное противостояние с Карфагеном, и на этом пути республику едва не постиг венный и политический крах. Легендарный Ганнибал, перевалив с армией через Альпы, развязал против римлян настоящий блицкриг. Разгромив вражеские армии в нескольких сражениях и завалив трупами легионеров, поле битвы у Канн, Баркид оказался в одном шаге от долгожданной цели. Но она так и осталась недостижимой. Никто и никогда не ответит на вопрос, почему великий полководец не пошёл на Рим и не уничтожил логово сыновей волчицы. Оставалось сделать последний шаг, но Ганнибал его не сделал. Гадать же, почему он так поступил, и строить на эту тему разные предположения – дело абсолютно неблагодарное.

Карфагенский военачальник мог изменить весь дальнейший ход мировой истории, и тогда многие народы, как на востоке, так и на западе Средиземноморья, не испытали бы ужасов римской агрессии. Лично для него последствия этой ошибки сказались очень быстро, поскольку дальнейшая борьба Ганнибала стала просто длительной agonией. И поражение в этой войне он потерпел не в сражении при Заме, когда впервые был разгромлен в открытом бою, а там, на поле битвы у Канн, когда упустил реальный шанс уничтожить Римскую республику.

После того как капитулировал Карфаген, ситуация изменилась радикально. Запад был побежден, и легионы пошли на Восток. Для государств Восточного Средиземноморья и сотен тысяч людей, которые там проживали, начался сущий кошмар, имя которому было – Рим.

Теперь в бой с агрессором вступили македонские цари, и римлянам пришлось вести три войны, чтобы сломить отчаянное сопротивление Македонии. Не было такой низости и подлости, к которой не прибегли бы римские сенаторы в этом противостоянии, их демагогическая политика переплюнула все международные нормы, которые до этого существовали. Филипп V яростно сражался как против римлян, так и их многочисленных союзников, которые взяли Македонию в огненное кольцо, отражая вражеские атаки с севера, юга, востока и запада. И потерпел он поражение в этой неравной схватке не потому, что македонская военная организация была хуже римской, а потому что на тот момент страна просто не располагала ресурсами для длительной и напряжённой борьбы.

Истощённая десятилетиями непрерывных войн, массовым оттоком на восток и гибелью в далеких походах боеспособного населения, Македония могла рассчитывать на победу

только в одном случае – если за её спиной будет стоять союзная Греция. Но этого не случилось, и потому поражение Филиппа V становилось лишь вопросом времени. И если для некоторых монархов той эпохи неудача в отдельно взятом сражении не значила практически ничего, то царь Македонии подобной роскоши себе позволить не мог. Для Филиппа это было смерти подобно, поскольку новую армию ему было просто негде взять. Поэтому, когда в битве при Киноскефалах македонцы были разбиты, базилевс был вынужден сложить оружие и согласиться на все условия римлян.

Его сын Персей находился в совершенно другой ситуации. Произошло это благодаря стараниям отца, который возродил страну из руин, а также очень разумной и грамотной политике самого Персея. Он был полностью готов к войне, располагал самой мощной армией в регионе, а Македония буквально ломилась от запасов оружия, продовольствия и золота. Для успешной борьбы с врагом Персей располагал всем, кроме одного – у него не было той железной воли и целеустремлённости, как у его отца, царя Филиппа.

Историю пишут победители. Римские историки вылили на последнего царя Македонии столько грязи, что просто удивляешься, как такой человек вообще мог оказаться во главе великой страны. И тем более наносить римлянам поражения на поле боя. Но если отбросить в сторону римскую патриотическую чушь, а также личное отношение к царю греческих историков, и взглянуть на Персея непредвзятым взглядом, то мы увидим, что это был умный и толковый правитель, прекрасный администратор и грамотный военачальник. В любое другое время Персей был бы идеальным монархом для своей страны, а как полководец он мог успешно противостоять эллинистическим и варварским армиям. Но так случилось, что ему пришлось стать у кормила власти в страшную годину римского нашествия.

Последний царь Македонии справился бы с любым врагом, но только не с тем, самым страшным и опасным во всей Ойкумене, с которым ему пришлось воевать. Всё, что Персей смог сделать для защиты своей страны, он сделал. Несколько раз ему даже удалось разгромить римлян в открытом бою, но тот тяжкий груз ответственности, что рухнул на плечи базилевса, буквально раздавил его. Он просто не выдержал нечеловеческого напряжения. И это обернулось не только его личной трагедией, но и трагедией всей Македонии. Персей погиб в римском плену, македонская монархия была уничтожена, а некогда великое царство разделено на ряд независимых республик. Однако народ Македонии, помнивший своих великих царей и гордившийся славой предков, не смирился с иноземным господством и снова поднялся на борьбу. Восстание самозванца Андриска, объявившего себя сыном царя Персея и поднявшего народ против Рима, иногда называют IV Македонской войной (150–148 гг. до н. э.). Шансов на конечный успех у македонцев практически не было, но их мужество и доблесть в этой критической ситуации вызывают уважение. Но только не у римских историков, воспевающих героическое прошлое своего народа – хищника.

Здесь хотелось бы отметить вот какой момент. Очень часто исследователи предпочитают умалчивать о тех преступлениях, которые совершали римляне во время своих многочисленных захватнических войн. Однако, когда те же самые злодеяния совершают враги республики, негодованию поборников римских добродетелей нет предела. Если македонский царь Филипп V захватывает и разрушает греческие города, то его объявляют извергом и врагом рода человеческого. Но когда это же самое делают римляне, их апологеты смотрят на подобные проделки мягко и снисходительно. Объясняя всё тем, что иного выбора не было у справедливых и благородных квиритов, а глупые греки сами пользы своей не понимали. Сдались бы сразу, и было бы им счастье. Поэтому погром в Сиракузах и убийство Архимеда остаются в тени, а разгром Абидоса македонским царём вспоминают при каждом удобном случае. То же самое касается Митридата. У римских обожателей всегда и везде виноват царь Понта. О том, что творили озверелые легионеры, вместе со своими военачальниками, они стараются умолчать. Такие вот двойные стандарты получаются...

Причем началось всё это не в наши дни. Ещё в XIX в. немецкий историк Т. Моммзен всячески превозносил многочисленные римские добродетели, применительно к внешней политике республики в эпоху больших завоеваний. Забавно, что и сегодня находятся люди, которые верят в эти душещипательные сказки, искренне восхищаясь римскими военными и политическими деятелями, которые по доброте душевной, не преследуя никаких корыстных целей, начали войну с македонцами за освобождение Греции. Не знаю, из чего такие исследователи исходят, но свою кровь за просто так никто проливать не будет, и особенно такой прагматичный народ как римляне.

Что же касается римских полководцев, которые преклонялись перед культурой Эллады, то это вовсе не означает, что они также хорошо относились и к народу, который был носителем этой самой культуры. Когда неотесанный солдафон Муммий сровнял с землёй прекрасный греческий город Коринф, с него и взять-то было нечего, даже римский историк Веллий Патеркул открыто потешался над его невежеством. Другое дело, те из римлян, которые своё эллинофильство выставляли напоказ, декларируя его при каждом удобном случае. Хотя в отношении к грекам их дела доказывали как раз обратное. А. П. Беликов справедливо отметил, что факты свидетельствуют о том, что приходится говорить о *«преступлениях филэллинов против эллинов»*. Вот что он написал по поводу личности, вокруг которой слышатся восторженные охи и ахи некоторых историков: *«Фламинин, человек греческой воспитанности, идеализировавший греков и восторженно относящийся к их культуре, разграбил Эретрию и Элатею. Греколюбивый и гуманный римлянин хотел уничтожить всю Беотию и до вмешательства ахейцев успел-таки совершить карательный поход на Коронею. Его действия не отличаются от поступков его предшественников, он охотно использовал террор, а его политику нельзя назвать новой или мягкой»*.

Примеров аналогичных действий и других римских военачальников при желании можно найти предостаточно. Однако это касалось собственно эллинов, культурой которых некоторые из квиритов восхищались. Но что же тогда пережили другие народы, перед которыми грубые завоеватели не испытывали духовного трепета?

Страшный мировой кризис, начало которого ознаменовало восстание Андриска в Македонии, завершился в 146 г. до н. э. завоеванием Греции и уничтожением двух величайших городов Средиземноморья. На западе римляне стерли с лица земли Карфаген, на востоке разрушили до основания Коринф. И оправданий для этого варварства нет. Поэтому вполне объяснима та ненависть, которую эллины всегда питали к сыновьям волчицы. Неслучайно они смотрели на квиритов сверху вниз, считая варварами и мечтая о независимости Эллады. Именно эта ненависть в дальнейшем приведёт греков под знамёна Митридата Евпатора, а самого царя эллины будут встречать как Освободителя.

* * *

Независимость балканских греков Рим прихлопнул железной рукой. Однако, одновременно с войнами на Балканском полуострове, республика развязала агрессию и в Малой Азии. Первым, кто здесь столкнулся с римлянами на поле брани, был Антиох III Великий, правитель огромной державы Селевкидов. Располагая мощнейшим флотом и могучей армией, а также превосходным военным советником в лице Ганнибала, царь умудрился бездарно провалить все военные операции. Хотя сам план кампании, который он предложил, был довольно неплох – вести войну на чужой территории, для чего было решено перенести военные действия в Грецию. Идея была хороша, но то, как она приводилась в жизнь, не выдерживает никакой критики. Создается впечатление, что Антиох пустил все дела на самотёк, а сам оставался лишь сторонним наблюдателем.

Так называемая Сирийская война продолжалась с 192 по 188 г. до н. э. и закончилась полным военным крушением державы Селевкидов. Примечательно, что такому печальному финалу в немалой степени поспособствовал сам Антиох. В отличие от македонского базилевса Филиппа V, который продемонстрировал удивительную стойкость и мужество в борьбе с римской агрессией, Антиох после первых же неудач впал в уныние, запаниковал и провалил всё дело. По сравнению с маленькой Македонией держава Селевкидов располагала колоссальными ресурсами, но её царю это впрок не пошло. Молниеносный разгром Антиоха, за славные дела прозванного Великим, потряс воображение современников. После такой катастрофы государство Селевкидов было вычеркнуто из числа великих держав и начало неуклонно катиться вниз.

Ещё более плачевный конец был у Пергамского царства. Его правители, начиная с Аттала I, проводили проримскую политику в Восточном Средиземноморье и считались вернейшими союзниками республики в регионе. Именно они в немалой степени способствовали тому, что Рим вмешался в дела на востоке. Сенаторы были благосклонны к Атталидам и всячески их поощряли за счет соседей, в результате чего территория Пергамского царства значительно увеличилась. Что же касается царей Пергама, то они всё это воспринимали как должное. За что в итоге и поплатились. Забыв простую истину про бесплатный сыр и мышеловку, они с помощью римских друзей настолько усилили своё царство, что мудрецы на берегах Тибра задумались: а стоит ли продолжать в том же духе?

Первый тревожный звонок прозвучал очень скоро. Для Эвмена II, который плечом к плечу вместе с римлянами сражался против Антиоха Великого в битве при Магнесии, был специально придуман закон, запрещающий царям вступать в Рим. С одной стороны, сенаторы просто не хотели его видеть, но с другой стороны, не хотели идти на открытый разрыв. Эвмен всё прекрасно понял. Однако плевков стерпел, поскольку поделаться уже ничего не мог, развернулся и отбыл обратно в Пергам.

К Пергамскому царству римляне подбирались исподтишка, незримо опутывая его своей паутиной. Апофеозом их деятельности стало устранение последнего царя Аттала III и истолкование по праву сильного его завещания в свою пользу. Несмотря на то что Аттал завещал республике лишь свои личные владения, сенаторы повели дело так, что будто бы он завещал им ВСЁ царство. Не было в те времена пределов римской наглости, цинизму и жадности! Захватывая независимое государство с помощью сомнительных махинаций, они явно перешагивали все пределы допустимых норм того времени. Потому что одно дело принять по завещанию личные владения царя, и совсем другое наложить лапу на всё царство, где проживали сотни тысяч свободных людей, которые не желали иметь ничего общего с римскими варварами. Вот тогда и произошёл сильнейший взрыв народного возмущения, который потряс всю Малую Азию (131–129 гг. до н. э.).

* * *

Борьбу против Рима возглавил побочный сын пергамского царя Эвмена II и сводный брат Аттала III Аристоник, который чувствовал себя обойденным, поскольку сенаторы не принимали в расчёт его права на престол. Но с другой стороны, население Пергамского царства не желало жить под властью иноземцев. В итоге интересы народа и Аристоники пересеклись, и началось мощнейшее движение против римского владычества в Малой Азии. Претендента на трон поддерживали некоторые города Эгейского побережья, но были и такие (например, Эфес), которые выступили на стороне Рима. Однако Аристоник нанёс ряд поражений гражданским ополчениям этих городов, *«которые из страха перед римлянами не хотели перейти на его сторону»* (Юстин).

Повстанцы заняли солидную территорию, и Аристоник уже считал себя царём освобождённого Пергама. Но всё было не так просто. Сначала он потерпел поражение в морском бою, а затем и вовсе был отброшен от моря вглубь страны. Появилась большая вероятность того, что движение захлебнётся. Но Аристоник быстро нашёл выход из трудного положения, и не только собрал новое войско, но и значительно расширил социальную базу восстания. По сообщению Страбона, он *«быстро собрал толпы бедняков и рабов, привлечённых обещанием свободы»*. Однако у подобного действия была и другая сторона медали. Привлекая к себе народные массы обещаниями свободы, Аристоник настроил против себя малоазийских династов, ибо те узрели в его действиях смертельную опасность для себя лично.

В итоге против восставших образовалась мощная коалиция. Её возглавили Митридат V Эвергет Понтийский, Пилимен Пафлагонийский, Ариарт V Каппадокийский и Никомед II Вифинский. Их армии начали военные действия против Аристоники. Когда же в Малой Азии высадились римские легионы под командованием Публия Лициния Красса и соединились со своими союзниками, то многим показалось, что песенка Аристоники спета. Но произошло то, чего никто не ожидал. В битве при Лейке армия повстанцев наголову разгромила войска враждебной коалиции, а голову римского командующего фракийские наёмники бросили в пыль к ногам Аристоники.

Это был неслыханный успех, но он оказался и последним. В далёком Риме с тревогой наблюдали за развитием событий в Малой Азии, но в то же время в сенате присутствовала твёрдая уверенность в успехе экспедиции Красса. Однако когда весть о катастрофе достигла берегов Тибра, там очнулись от благодушной дремы и начали действовать быстро и решительно. Консул, Марк Перперна, привёл в Анатолию новые легионы и, в нескольких сражениях разгромив Аристонику, заблокировал его в крепости Стратоникее. Не имея возможности овладеть ей штурмом, римский полководец голодом вынудил восставших открыть ворота и капитулировать.

Но даже после пленения предводителя восстания борьба продолжалась. Новый консул Маний Аквиллий, прибывший на смену умершему Перперне, велел отравить источники и колодцы на занятых повстанцами территориях. Действуя такими методами, он одержал победу. Затем началась расправа. Аристонику отправили в Рим и там задушили по приказу сената, а десятки тысяч участников восстания были проданы в рабство. Бывшее некогда независимым, Пергамское царство стало римской провинцией Азия. Эпоха великих царей закончилась, наступила эпоха господства сената.

* * *

Сказать, что население новой провинции Азия ненавидело римлян – значит ничего не сказать. Квиринов не просто ненавидели, их ненавидели люто, до зубовного скрежета, ожидая лишь удобного случая, чтобы взяться за оружие и вышвырнуть оккупантов обратно за море. Некогда свободную страну римские откупщики и ростовщики накрепко опутали долговой паутиной. Итальянские купцы прихлопнули местную торговлю, а поборы и налоги наместников подорвали благосостояние населения. По сравнению с римским гнётом, времена правления своих законных царей воспринимались местным населением едва ли не как пора Золотого века. Поэтому вполне понятно, как люди смотрели на своё нынешнее положение и как относились к римлянам.

Да и за что было любить этих самодовольных и наглых иноземцев, которые раздуваясь от чувства собственной значимости нагло диктовали свою волю народам Малой Азии? Римское политическое влияние в регионе заметно усилилось, и правители соседних государств пальцем теперь не смели пошевелить без сенатского соизволения. Римляне совали свой нос везде и всюду, вмешивались во все споры и конфликты, а заодно следили за тем, чтобы, не

дай боги, кто-то из царей не усилился. Это стало основной целью их дипломатии, навязчивой идеей, и местным правителям приходилось сильно изворачиваться, чтобы не вызвать подозрений у могущественного соседа.

Таким был этот мир, когда в него пришёл Митридат.

Схватка за власть

В небе пылала комета. Была она сначала малой величины, но поднимаясь по небесному своду, выросла до невиданных размеров. Когда же достигла она пояса весеннего равноденствия, то закрыла ярким хвостом своим Млечный Путь. И проходило между её восходом и заходом четыре часа. Обещала она огонь и кровь, войну и смерть, гибель царей и крушение могучих держав. С ужасом смотрели люди на небо. Но именно в эти страшные дни у понтийского царя Митридата V Эвергета родился сын, которого тоже назвали Митридатом. Шёл 134 г. до н. э.

* * *

Понт – это область на северо-востоке Анатолийского полуострова, омываемая с севера волнами Понта Эвксинского⁴. Если посмотреть на карту, то мы увидим, что большая часть страны покрыта горами, где природа носила дикий и первозданный характер. Страна была богата лесом, а из полезных ископаемых железом. Именно в Понте проживали легендарные племена черноморских халибов, которые разрабатывали железные рудники и владели секретом халибской стали. В горных долинах и на прибрежных равнинах жители выращивали пшеницу, просо и занимались пчеловодством.

Само Понтийское царство граничило на западе с Вифинией, на востоке с Великой Арменией, а на юге с Малой Арменией, Каппадокией и Галатией. Что в принципе создавало определённые проблемы для понтийских царей, поскольку граница была протяжённой и соответственно доступной для вторжений врага. Во времена владычества Ахеменидов Понт был сатрапией, но после того как держава персов рухнула под ударами армии Александра Македонского, ситуация изменилась. Первым понтийским царём стал Митридат I, перс царского рода, который во времена войн диадохов поддерживал Антигона Одноглазого, но затем покинул его и ушёл в Каппадокию. Уже оттуда Митридат перебрался в Понт, где и сумел закрепиться.

Это было тревожное время. В Малой Азии гремели войны диадохов, тысячи людей гибли на полях сражений, в пламени пожаров рушились города, а поля вытаптывались копытами вражеских коней. Но на севере Анатолии было спокойно. Как следствие, во владения Митридата, спасаясь от ужасов войны, пришло очень много народу, а царь этим очень грамотно воспользовался. В дальнейшем Митридат I значительно увеличил территорию своего молодого государства. Подводя итоги деятельности первого понтийского царя, Аппиан отметил следующее: *«Сильно увеличив свою власть, он передал ее своим детям, и они царствовали один за другим вплоть до шестого Митридата, который вступил в войну с римлянами»*. После Митридата I правили Ариобарзан Понтийский, Митридат II, Митридат III, Фарнак I, Митридат IV, Филопатр⁵ и Митридат V Эвергет, отец Митридата VI Евпатора.

Особенно усилилось понтийское царство за время правления царя Фарнака I (умер в 169 г. до н. э.). Он присоединил к Понту большую часть Южного Причерноморья и захватил ряд греческих городов – Синопу, Амис, Армену, Киторос, Котиору, Керасунт, Трапезунт. В 183 г. до н. э. Фарнак перенес столицу царства из Амасии в Синопу, большой и богатый приморский город. Одновременно Фарнак повёл затяжную борьбу с Каппадокией, Вифинией и Пергамом за усиление понтийского влияния в Малой Азии. Но столкнувшись с мощ-

⁴ Понт Эвксинский – так греки называли Черное море.

⁵ Филопатор – Любящий отца.

ной коалицией и явно недоброжелательной позицией Рима, который поддержал его врагов, Фарнак был вынужден отступить.

Но уже его сын, Митридат V Эвергет⁶ (правил в 150–123 гг. до н. э.) вёл совсем другую политику. Он не только вступил в дружбу с римлянами, но оказал им военную поддержку во время III Пунической войны, отправив под стены Карфагена несколько кораблей с десантным отрядом. Понятно, что столь незначительные силы не могли оказать никакого влияния на ход боевых действий. Однако сенаторы оценили этот знак доброй воли со стороны Эвергета. В дальнейшем Митридат V оказал римлянам куда более значимую помощь, когда отправил свои войска против Аристоники Пергамского. После подавления восстания в Пергаме сенат щедро наградил Эвергета, передав ему Великую Фригию (земли в центральной части Малой Азии, в районе современной Анкары).

Понтийское царство усиливалось, влияние Митридата V в регионе росло. Свою дочь Лаодику он выдал замуж за царя Каппадокии Ариарата VI Епифана, сведя к минимуму возможность конфликта между двумя государствами. Но теперь уже в Риме стали с опаской смотреть на усилившуюся мощь Понта. Судя по всему, некоторые основания для этого у сенаторов были. Дело в том, что лучший стратег и доверенное лицо Митридата V, Дорилай Тактик в это время был на Крите, где занимался вербовкой наёмников для понтийской армии. Однозначно, что наёмники Эвергету были нужны явно не для того, чтобы сидеть в казармах и протирать штаны. Они были очень дорогим удовольствием, и не каждый правитель мог себе позволить их содержать. И раз они потребовались понтийскому царю, значит, он собирался их где-то использовать. В Риме справедливо полагали, что театром предполагаемых боевых действий станет Малая Азия. Между тем республика только что подавила восстание Аристоники на территории бывшего Пергаского царства и её позиции в регионе были ещё недостаточно прочными. А теперь ещё понтийский царь забряцал оружием! Ситуация становилась очень тревожной и непредсказуемой.

Однако римляне действовали очень осторожно. Воевать в данной ситуации квириды не хотели, а потому пошли другим путем. Есть царь – есть проблема, нет царя – нет проблемы. Вполне вероятно, что римские агенты проникли в ближайшее окружение Эвергета, где и был составлен заговор. Об этом прямо пишет Страбон: *«Эвергет изменнически убит в Синопе “друзьями”, составившими против него вероломный заговор»*. Не исключено, что в нем была замешана и жена Митридата V Лаодика.

Жена Эвергета была личностью примечательной. Её отец, Антиох IV Эпифан⁷ был последним действительно великим правителем державы Селевкидов. После страшного поражения в войне с Римом своего отца, Антиоха III Великого, Эпифан сумел на некоторое время восстановить былую мощь страны. Проведя ряд удачных военных кампаний против египетских Птолемеев, Антиох IV чуть было не аннексировал Египет, которое спасло только поспешное вмешательство римлян. После смерти Эпифана на престол вступил родной брат Лаодики Антиох V Евпатор, но просидел на нём всего два года, поскольку был убит своим двоюродным братом Деметрием I Сотером⁸. Впрочем, Деметрия в свою очередь сверг самозванец Александр Балас, выдававший себя за сына Антиоха IV Эпифана. Однако через пять лет Балас потерпел поражение и погиб в войне против сына Деметрия Сотера, Деметрия II Никатора⁹. Как видим, супруга Митридата V была очень хорошо знакома со всеми тонкостями борьбы за власть. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Лаодика могла принять участие в заговоре против мужа. Недаром после смерти Эвергета вся верховная власть

⁶ Эвергет – Благодетель.

⁷ Эпифан – Славный.

⁸ Сотер – Спаситель.

⁹ Никатор – Победитель.

регентши при малолетних детях досталась именно ей. Но есть ещё одно косвенное указание на её причастность к убийству.

Дело в том, что реакция Дорилая Тактика, который продолжал вербовать наемников, на события в Синопе была потрясающей: *«Услышав, что власть по наследству перешла к его вдове и детям, он отказался ввиду такого положения от возвращения на родину и остался в Кноссе»* (Страбон). Поэтому возникает закономерный вопрос: почему стратег предпочел остаться на острове Крит и побоялся вернуться на родину?

На мой взгляд, ответ лежит на поверхности. Дорилай знал, что с приходом к власти Лаодики последует перемена политического курса в стране. И если он вернется в Синопу, то в лучшем случае отправится вслед за своим повелителем, а в худшем угодит в пыточный подвал, где ему будет задан ряд вопросов. И есть большая вероятность того, что эти вопросы будут задавать римляне. В любом другом случае Тактик вернулся бы в Понт, где у него были земли и положение в обществе.

Деятельность Лаодики в качестве регентши также указывает на то, что в убийстве Эвергета были замешаны и квириды. Во-первых, Понт отказался от активной внешней политики в Анатолии, что само по себе было для республики великим благом. Римляне вплотную занимались устройством своей новой провинции Азия, как стало называться бывшее Пергамское царство, и поэтому потрясения в регионе им были не нужны. С другой стороны, Великая Фригия, которую сенат пообещал Митридату V, так и не вошла в состав Понтийского царства, поскольку после убийства царя её никто и не требовал. Недаром впоследствии Митридат Евпатор бросил римлянам упрек в том, что *«они отняли у него, бывшего еще ребенком, Великую Фригию, которую они же в свое время уступили его отцу, как награду за помощь против Аристоники»* (Юстин). Как видим, выгода от устранения Эвергета была для сенаторов налицо.

Что же касается Лаодики, то забросив внешнеполитические дела, она занялась строительством новой столицы, которую и назвала достаточно символично – Лаодикея. Таким образом, она четко обозначила свои дальнейшие намерения и наглядно продемонстрировала, у кого власть в стране. Понтийское царство медленно, но верно стала скатываться вниз, утрачивая свои позиции в Малой Азии, поскольку оказалось пристёгнутым к колеснице римской политики. Однако были в государстве здоровые силы, которые не хотели мириться с таким положением дел. Были люди, для которых независимость и честь своей родины не были пустым звуком. Но им был нужен лидер, который бы объединил всех недовольных существующим порядком, вдохновил на борьбу и повёл за собой. И когда такой человек появился, то его поддержала вся страна. Это был сын убитого Митридата Эвергета, молодой царь Митридат VI Евпатор.

* * *

Как и положено величайшему герою, рождение Митридата сопровождалось различными знамениями и пророчествами. Трудно сказать, какие из них случились в реальности, а какие были придуманы задним числом. Достаточно вспомнить, чего только в своё время не насочиняли по поводу рождения Александра Македонского, и тенденция становится налицо. Хотя наличие кометы как раз и есть реальный факт. Однако были и другие предзнаменования.

Плутарх в «Застольных беседах» рассказывает о том, что когда Митридат был младенцем, то его пеленки сожгла молния, не оставив на теле никакого следа. Лишь на лбу остался незначительный ожог, который Евпатор скрывал волосами. Развивая тему, ученый грек говорит о том, что когда базилевс был уже в зрелых годах, в комнату, где он спал, ударила молния и сожгла стрелы в висевшем рядом колчане. Именно после этих случаев Митридата стали

называть Дионисом. Сходство с этим богом ближайшее окружение царя усмотрело в ударах молнии. Ведь согласно мифу, когда Семела была беременна Дионисом, она погибла от удара молнии Зевса. Однако её сын от этой же молнии получил бессмертие. Вполне возможно, современники считали, что Митридат, как и Дионис был неуязвим для молнии.

Митридат очень гордился своим происхождением. Евпатор говорил о том, *«что среди предков со стороны отца он может назвать Кира и Дария, основателей Персидского государства, а со стороны матери он происходит от Александра Великого и Селевка Никатора, основателей Македонской державы»*. Его прадедом по материнской линии был легендарный Антиох III Великий, который первым из царей Азии встретился с римлянами на поле боя.

О детстве и юности будущего непримиримого врага Рима сведений сохранилось немного. Вполне возможно, что некоторые из них носят легендарный характер и были навеяны семейными преданиями Ахеменидов, потомком которых был молодой царевич. С другой стороны, ничего фантастического в этих сведениях тоже нет, и потому безоглядно отвергать их не следует. Вне всякого сомнения, Митридат получил отличное эллинское воспитание, был образованным и начитанным человеком: *«Он любил эллинскую культуру, поэтому он знал и выполнял эллинские религиозные обряды; любил и музыку»* (Аппиан). Но вот что примечательно. Дело в том, что под внешним блеском эллинистического принца скрывался истинный Ахеменид, жестокий, коварный и непреклонный. В зависимости от политической ситуации, Митридат мог объявлять себя покровителем эллинов и наследником Александра, или же наоборот, придерживаться восточных традиций и вести себя как Дарий Великий или Ксеркс. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Как уже отмечалось, после убийства Эвергета управление государством оказалось в руках матери Митридата и её советников. Причем расставаться с властью Лаодика не собиралась, несмотря на то, что рядом подрастал сын, законный наследник Митридата V. Страбон конкретно указывает, что у Эвергета было двое сыновей и *«унаследовал царство Митридат, прозванный Евпатором, 11 лет от роду»*. Не исключено, что регентша имела план, как избавиться от собственного сына, поскольку опекуны, которых она к нему приставила, явно не желали царевичу добра. Примеров подобного отношения матерей к своим детям среди эллинистических монархий можно найти немало. Поэтому, назначая наставников юному Митридату, Лаодике было достаточно одного намека, чтобы верные люди поняли её с полуслова. Но с другой стороны, именно опекуны и стали бы крайними, если вдруг с царевичем случится что-то нехорошее.

А нехорошее могло случиться очень легко. Наиболее простым и безопасным способом устранения наследника можно было считать его гибель во время воинских упражнений. Либо необъезженный конь понес, либо копье не туда полетело. Много было вариантов. Поэтому, когда читаешь о том, в каких условиях происходило обучение Митридата ратному мастерству, невольно напрашивается сравнение с гладиаторской школой. Малейшая ошибка с его стороны – и смерть.

Но все эти происки имели обратный результат. Молодой человек не погиб, как хотели бы многие, а наоборот, стал великолепным бойцом и прекрасным наездником. Недаром Юстин, рассказывая о том, как Митридат обучал своих воинов, и при этом лично принимал участие в тренировочных боях, называет его *«непобедимым»*. О великолепной физической подготовке Евпатора свидетельствует и Аппиан: *«Телом он был крупен, насколько можно судить по оружию, которое он послал в Немею и в Дельфы; крепок настолько, что до самого конца ездил верхом, мог кидать копья и проезжать в день тысячу стадий, меняя на известных расстояниях лошадей. Он правил колесницей, запряженной сразу 16 лошадьми»*. Гай Саллюстий Крисп отмечает, что *«Митридат был огромного роста и был соответственно*

вооружен». Царевич мог вполне постоять за себя, и поэтому убийцам пришлось изменить тактику. Наследника решили просто отравить.

Но и здесь нашла коса на камень. История о том, как Митридат с юности принимал яд в маленьких количествах и стал невосприимчивым к отраве, давно уже стала легендой. Но, тем не менее, это исторический факт, который зафиксировал Плиний Старший: *«Только ему пришло в голову ежедневно, предварительно приняв обезвреживающее лекарство, пить яд, чтобы этот последний в силу привычки сделался безвредным; прежде всего Митридатом открыты виды противоядий, из которых одно даже сохраняет его имя: он придумал подмешивать к противоядиям кровь понтийских уток, так как эти последние будто бы питаются ядовитыми веществами; существуют написанные для него книги прославленного врачом искусством Асклепиада, когда тот, будучи вызван им из Рима, послал их взамен в качестве наставлений. Как известно, Митридат единственный из всех людей умел говорить на двадцати двух языках и в течение 56 лет своего царствования он ни к одному человеку из подвластных ему племен ни разу не обратился через переводчика».*

Как видим, для понтийского царя это было не просто некое увлечение, позволяющее скоротать время. Евпатор настолько серьёзно занимался темой ядов, что достиг на этом поприще серьезных успехов и стал пользоваться определенным авторитетом в научных кругах. Об этой стороне деятельности Митридата нам тоже поведал Плиний Старший: *«Таким образом, Митридат, в соответствии с прочими выдающимися качествами своего ума, в особенности интересовался медициной и, собирая по отдельности сведения у всех своих подданных, населявших значительную часть земли, оставил в своей потайной комнате шкаф с такого рода документами, с образцами лекарств и описанием их действия. Помпей, овладев всей царской добычей, поручил своему вольноотпущеннику грамматiku Ленею перевести их на наш язык и, таким образом, своей победой не менее послужил пользе жизни, нежели государству».*

Как следствие, Митридат настолько поднаторел в науке об отравляющих веществах и так приучил к ядам свой организм, что когда решил добровольно уйти из жизни, то яд на него не подействовал. Но это произойдёт через много десятков лет. В итоге, попытка устранить царевича с помощью яда потерпела неудачу. Но помимо отравления есть много других средств отправить человека к предкам, и чтобы спасти будущую надежду Понта, было решено вывести Митридата из столицы.

О том, что происходило с Митридатом после бегства из царского дворца, нам рассказывает Юстин. Судя по всему, дело было обставлено так, что наследник чрезмерно увлекся охотой, что было, в общем-то, в порядке вещей. Митридат громогласно объявил на весь дворец, что решил поохотиться, спокойно выехал за городские ворота и после этого очень долгое время не возвращался в Синопу. Вполне возможно, что его и пытались потом вернуть, но царевич действовал с невероятной ловкостью и изобретательностью. Для преследователей Евпатор был неуловим. *«В течение семи лет он ни одного дня не провел под крышей ни в городе, ни в деревне. Он бродил по лесам, ночевал в разных местах на горах, так что никто не знал, где он находится. Он привык быстро убежать от диких зверей или преследовать их, а с некоторыми даже мерился силами. Таким способом он и козней врагов избежал, и тело свое закалил для перенесения доблестных трудов»* (Юстин).

Если присмотреться, то можно увидеть, что подобное уже происходило с другим великим царём древности – Киром Великим. Создатель державы Ахеменидов тоже долгие годы скрывался от своих врагов, проживая в горах, в хижине пастуха. А когда пришло время, вернулся в блеске славы и расправился с недругами. Однако не надо думать, что Митридат скитался в гордом одиночестве. Были с ним люди, на которых можно было положиться. Были телохранители, были осведомители. Ведь Евпатору необходимо было знать обо всем, что происходит в столице, а поскольку ему туда ход был заказан, то кто-то должен информиро-

вать наследника. Скорее всего, небольшой отряд разбивал лагерь в труднодоступных местах и оставался там до тех пор, пока кто-либо из местных жителей или шпионов Лаодики не обнаруживал стоянку. После этого Митридат и его немногочисленные воины искали себе другое место для пристанища.

А. И. Немировский выдвинул версию о том, что некоторое время Митридат скрывался на Боспоре Киммерийском, где был радушно принят царем Перисадом V. Но вряд ли эта теория состоятельна. Если бы такой факт имел место быть, то античные авторы однозначно бы о нем упомянули. Но нет, пишут, что скитался царевич по своей стране.

Е. А. Молев предположил, что Митридат прятался у царя Малой Армении Антипатра, который по достижении беглецом совершеннолетия помог Евпатору вернуть отцовское наследство. А когда его протезе утвердился на престоле, то добровольно передал Митридату свои владения, поскольку не имел прямых наследников. В принципе, ситуация аналогичная бегству Митридата на Боспор Киммерийский – всё то же самое, только вид сбоку. Утверждать наверняка ничего нельзя, поскольку никаких сведений в письменных источниках об этом не сохранилось. Вряд ли власть в Понте Митридат вернул при помощи войск Антипатра, поскольку здесь ключевым моментом являлась поддержка законного наследника Эвергета внутри страны.

Есть большая вероятность того, что здесь своё решающее слово сказала армия, поскольку, если судить по тому, что приключилось с Дорилаем Тактиком, военным ничего хорошего ждать от Лаодики не приходилось. Раз у государства нет активной внешней политики, то зачем тогда ему тратить на армию? Соответственно, всё это было как по командному, так и по рядовому составу. С другой стороны, недовольство могли выражать и торговые круги Понта, которым усиление торговой конкуренции со стороны римских купцов было очень невыгодно. Все это в совокупности и могло привести к тому, что отстранение от власти Лаодики стало вопросом времени. В 116 г. до н. э. Митридат возвращает себе царство отца.

Всё, что случилось с ним в эти годы, приучило молодого базилевса очень серьезно относиться к своей безопасности и навсегда сделало подозрительным по отношению к окружающим. Об этом сохранилось свидетельство Плиния Старшего: «...*Митридат, величайший из царей своего времени, которого разбил Помпей, больше всех своих предков заботился о своей жизни, что, кроме молвы, известно и по фактам*».

* * *

И снова в небе пылала комета. Пылала так ярко, что людям на земле казалось, будто небеса залило огнём и боги начали новую войну с гигантами. Закрыв четвертую часть небосвода, своим блеском звезда затмевала солнечный свет, вселяя в народы страх и отчаяние, пугая как бедняков, так и царей. Семьдесят дней горела она, предвещая великие бедствия и потрясения. В эти судьбоносные дни Митридат Евпатор прибыл в Синопу.

* * *

Возвращение законного правителя было триумфальным, поскольку никто в стране не захотел сражаться за регентшу. Население Понта видело, что власть в государстве медленно, но верно прибирают к рукам римляне, а примеров того, как живут под их властью другие народы, было предостаточно. Отношение к сыновьям волчицы было самое негативное, обогатиться их ценностями никто не желал. Поэтому, когда началась расправа над врагами молодого царя, это было воспринято как должное и не вызвало никакого возмущения.

В отличие от многих правителей эпохи эллинизма, Митридат не стал убивать свою матушку, а просто посадил её в тюрьму, изолировав от общества не в меру активную женщину. Правда, Саллюстий пишет следующее: *«Митридат вступил на царство в ранней юности, после того как мать его была отравлена ядом»*. Однако здесь есть один тонкий момент. Дело в том, что в дальнейшем историк называет в числе убитых родственников не мать, а сестру, которую Евпатор убил вместе с братом Хрестом. Сестру, так же как и мать, звали Лаодикой, и нет ничего удивительного в том, что могла произойти путаница, поскольку сестру Евпатор как раз и убьёт. Но об этом будет рассказано чуть позже.

Что же касается убийства брата, то есть большая вероятность того, что после отстранения от власти Лаодики именно Хрест стал знаменем для проримской партии в Понте. Расправляясь с ним, Митридат, с одной стороны, устранял конкурента, а с другой – лишал римских союзников возможности поставить во главе страны своего человека. Новый базилевс всегда помнил о судьбе отца. Разгром проримской партии ознаменовал резкое изменение всей внешней и внутренней политики Понтийского царства. В Риме это сразу почувствовали, и отцы-сенаторы беспокойно заёрзали на своих насиженных местах.

Митридат между тем сделал довольно хитрый ход. В лучших традициях эллинистических монархов и Ахеменидов он женился на своей сестре Лаодике, тем самым стараясь укрепить своё положение на троне. Таким образом, во главе государства оказался молодой, умный и деятельный царь, прекрасно знающий, что надо его стране. И здесь, надо думать, большую роль сыграло то, что за годы скитаний Евпатор исходил своё царство вдоль и поперек. А заодно пополнил и багаж знаний. Об этом свидетельствует тот факт, что базилевс знал множество языков и мог разговаривать с любым своим подданным на его наречии: *«Митридат был единственный из смертных, говоривший на 22 языках, и что в течение своего 56-летнего царствования он не обращался при помощи переводчика ни к одному человеку из подвластных ему племен»* (Плиний Старший). В итоге Митридат стал настоящим полиглотом. Это было дано далеко не каждому монарху, например, Птолемеи так и не соизволили выучить египетский язык.

Но что ещё поражало в Митридате, так это стремление изучить многие вещи досконально, докопаться до сути проблемы, вникнуть во всё самому и лишь потом приступить к её решению. В данный момент главной задачей, стоящей перед Евпатором, была необходимость вернуть Понтийскому царству ведущие позиции в регионе, которые были утрачены в годы регентства его матери Лаодики.

Армия Митридата

Если у какого-либо монарха возникает желание значительно увеличить свою территорию, то важнейшим инструментом в этом сложном деле является армия. Именно от её боевых качеств и подготовки командного состава зависит, будут ли успешными замыслы правителя или они потерпят полный крах. Поэтому, перед тем как рассмотреть ранние завоевания Митридата, есть смысл сказать несколько слов об армии Понта.

Армия Митридата была классической армией эллинистического типа, где мирно уживались македонская военная школа Александра Великого и местные воинские традиции. Но становым хребтом армии Понта, её наиболее боеспособными частями, были царская гвардия, подразделения фаланги и отряды тяжелой кавалерии. Остальные войска, представленные в основном местными ополчениями, собирались от случая к случаю и не обладали должной выучкой и дисциплиной. В преддверии военных кампаний базилевсы нанимали контингенты воинов-профессионалов.

Понтийская фаланга была обучена и снаряжена по македонскому образцу. Вооружение воина сариссофора (фалангита) было классическим для эпохи эллинизма: длинная пика – сарисса (от 3 до 5 м в длину), короткий меч ксифос, служивший как колющее оружие или изогнутый греческий меч копис, предназначенный исключительно для рубящих ударов. Из защитного вооружения воин носил шлем халкидского или фригийского типа, льняной панцирь и небольшой македонский щит, до 75 см в диаметре. Благодаря этому фалангит мог держать сариссу двумя руками.

Как известно, в состав армии Македонии эллинистического периода входили отряды отборной тяжелой пехоты – «медные щиты» (халкаспиды) и «белые щиты» (левкаспиды). Высочайшие боевые качества этих воинов были известны во всём античном мире, и после того как корпус прекратил своё существование, осталась традиция – по цвету щитов выделять элитные подразделения фаланги. Цари Понта пошли по этому же пути и создали собственные ударные подразделения, которые выделялись как уровнем подготовки, так и лучшим вооружением. К примеру, в состав фаланги входил отряд халкаспидов («медных щитов»). Об этом есть прямое свидетельство Плутарха в биографии Суллы, где он несколько раз упоминает это подразделение. При описании битвы при Херонее в 86 г. до н. э. мы встречаем информацию о том, что римский строй *«был атакован Таксилем с его “медными щитами”»*. Вполне возможно, что эти элитные бойцы выполняли при Митридате функции гвардейцев.

В состав понтийской армии входили отряды гоплитов из тех греческих городов, которые находились в зависимости от Митридата, а также контингенты наемников, на вербованных в различных регионах Причерноморья. Снаряжение греческих гоплитов было традиционным – шлем, панцирь, большой круглый щит, меч и копье. Шлемы были преимущественно аттического или халкидского типа, оставляющие лицо воина открытым. Панцири были льняные, склеенные из нескольких слоев ткани и иногда усиленные металлическими пластинами. Щиты были деревянные, обтянутые кожей и оббитые по краям металлической полосой. Будучи не менее одного метра в диаметре, такой щит служил надежной защитой воину, но поскольку весил около 10 кг, то в определенной степени сковывал его движения. Вооружен был гоплит копьем ксистоном от 2 до 3 м длиной и небольшим прямым мечом ксифосом.

Примечательно, что сведений о том, что воины из греческих городов Малой Азии и региона Понта Эвксинского использовали строй македонской фаланги, до нас не дошло. Скорее всего, они так и продолжали сражаться в строю классической греческой фаланги до 8 рядов в глубину.

Что же касается наемников, то мы видели на примере Дорилая Тактика, как базилевсы Понта вербовали их по всему эллинистическому востоку. Недаром стратег оказался на Крите, который испокон веков славился своими лучниками. Фракийцы и бастарны, умелые и бесстрашные бойцы, также в немалом количестве будут служить Митридату VI. Великолепную характеристику бастарном, как воинам, даёт Плутарх в биографии Эмилия Павла: *«Все до одного наемники – люди, не умеющие ни пахать землю, ни плавать по морю, ни пасти скот, опытные в одном лишь деле и одном искусстве – сражаться и побеждать врага»*.

Тяжелая пехота фракийцев и бастарнов отличалась высокими боевыми качествами. Особенно страшны они были при первом натиске. Вооружены эти воины были либо махайрой – кривым серповидным мечом с лезвием на внутренней стороне клинка, либо фальксом – изогнутым мечом, чей длинный клинок по форме напоминал косу. Из защитного снаряжения фракийцы и бастарны носили шлемы фракийского или халкидского типа, поножи и щиты.

Заслуженной славой пользовалась и лёгкая фракийская пехота. Эти воины, быстрые и выносливые, были незаменимы во время боёв на пересеченной местности и в горах. Соответственной была и экипировка: *«У фракийцев в походе на головах были лисьи шапки. На теле они носили хитоны, а поверх – пестрые бурнусы. На ногах и коленях у них были обмотки из оленьей шкуры. Вооружены они были дротиками, пращами и маленькими кинжалами»* (Геродот).

Однако основная масса легковооружённых войск – лучники, пращники, метатели дротиков – набиралась в азиатских владениях Митридата. Это были выходцы из небогатых слоёв населения, в основном воины из горных племён. Причем чем больше будет расширяться держава Евпатора, тем больше различных племен и народов встанут под его знамена. Но об этом мы подробно поговорим, когда будем разбирать подготовку Митридата к войне с Римом.

Теперь несколько слов о кавалерии. Сведений о том, что македонская военная школа оказала какое-либо влияние на данный род войск в Понте, у нас нет. И если у Селевкидов существовала кавалерия гетайров, о чем упоминают античные авторы, то о существовании аналогичного подразделения в армии Митридата ничего не известно. Зато очень хорошо прослеживаются традиции Ахеменидов, потомком которых считал себя Евпатор. Именно такой подход к делу позволил понтийской коннице стать грозной и практически непобедимой силой. В кавалерии Митридата служило очень много выходцев из Каппадокии, Пафлагонии и Малой Армении. Заслуженной славой пользовались каппадокийские наездники, недаром Каппадокия переводится как «Страна прекрасных лошадей».

Традиционно, восточная кавалерия делилась на тяжеловооруженную и лёгкую. Наездники лёгкой кавалерии, вооружённые луками, дротиками и короткими копьями, выполняли функции разведчиков, совершали рейды по вражеским тылам, а также занимались охраной коммуникаций. Тяжёлая панцирная конница, где воины и кони были защищены пластинчатыми доспехами, служила для того, чтобы проломить вражеский строй на направлении главного удара и развить успех.

Удивительно, но в состав царской армии входили даже подразделения боевых колесниц с косами, которые к этому времени считались анахронизмом на поле боя. Уже во время походов Александра Македонского было ясно, что век колесниц давно прошел. Лишний раз это подтвердила битва при Магнесии в 190 г. до н. э., когда Антиох III Великий в последний раз встретился с римлянами на поле сражения. Тогда боевые колесницы принесли больше вреда, чем пользы. Но, тем не менее, в армии Понта они присутствовали, и здесь опять-таки можно говорить о сильных восточных традициях. Однако, как показало будущее, Митридат и его стратеги настолько умело использовали этот устаревший род войск, что причиняли противнику страшные потери.

Осадной техникой, а также наведением переправ и строительством мостов ведали царские инженеры. Но здесь обращаться к опыту Ахеменидов было бессмысленно. Для этого дела требовались профессионалы из другой военной школы, люди, которые могли использовать все достижения эллинистической военной мысли.

Владыка Понта прекрасно понимал, что для того, чтобы армия была боеспособной, нужны хорошие военные специалисты, поэтому и нанимал их по всему эллинскому миру. А когда представилась такая возможность, то пополнил ряды командного состава и римскими перебежчиками. *«К специалистам обращались даже владыки варваров: Ганнибал призывал лакедемонянина Сосила, Митридат V и Митридат VI – Дорилая Тактика и его племянника Дорилая Младшего»* (П. Левек). Страбон характеризует Дорилая Тактика как профессионала высочайшего уровня: *«Дело в том, что Дорилай, один из “друзей” Митридата Еввергета, был человеком опытным в искусстве тактики. Благодаря опытности в военном деле его посылали набирать наемников, ему часто приходилось посещать Грецию и Фракию; часто бывал он также у наемников с Крита»*.

Таким образом, мы видим, что в состав армии Понта входили отряды действительно высокопрофессиональных воинов, которые хорошо делали свою работу и получали за это деньги из царской казны. Наряду с постоянными воинскими контингентами они составляли костяк армии Митридата. Племянник Дорилая Тактика, которого тоже звали Дорилай, был молочным братом Евпатора, воспитывался вместе с царём и в дальнейшем занимал ответственные посты в армейском руководстве. Поэтому не случайно, что армия Понта стала самой грозной военной силой в Анатолии. Недаром в течение очень длительного времени Митридату удавалось выдерживать противостояние с римской военной машиной – лучшей военной организацией своего времени.

Опираясь на первоклассную армию, Евпатор переходит к активной внешней политике в регионе Понта Эвксинского. Что и было засвидетельствовано Юстином: *«Когда же Митридат приступил к управлению государством, он с самого начала стал думать не о делах внутреннего управления, а об увеличении пределов своего царства»*. И первым шагом к созданию мощнейшей державы стало установление понтийского владычества над Таврикой и Колхидой.

Создание Черноморской державы (111–106 гг. до н. э.)

От Пантикапея до Херсонеса

В III в. до н. э. начинается длительная и кровопролитная война скифов против наступающих с востока племен сарматов. Скифы не устояли под вражеским натиском и были отброшены к низовьям Борисфена¹⁰ и в Таврику. Это радикально изменило ситуацию в регионе, поскольку теперь скифы оказались зажатые на достаточно узком пространстве. На их землях начинают строиться города и поселения. Согласно сообщению Страбона, эта градостроительная деятельность связана с именем царей Скилура и Палака. Говоря о землях скифов, географ отмечал, что там *«есть также укрепления, которые построил Скилур и его сыновья. Эти укрепления – Палакий, Хаб и Неаполь»*.

Неаполь Скифский, руины которого находятся на территории современного Симферополя, был столицей позднескифского государства, которое Страбон называет Малой Скифией. В III–II вв. до н. э. город значительно расширяется, а вокруг него возводятся мощные крепостные стены, высотой до 8 м и толщиной до 6,5 м. Около городских ворот, недалеко от входа в царский дворец, возводится мавзолей предшественника Скилура, скифского царя Аргота. В большом строительстве, которое развернулось в Неаполе Скифском, значительная роль принадлежала эллинам. Об этом свидетельствуют постройки эллинистического типа на территории столицы, где были найдены греческие скульптуры и фрески. Культура Эллады начинает всё глубже проникать в высшие слои скифского общества. Что же касается правителей Малой Скифии, то они всё больше начинают подражать эллинистическим монархам.

Как видим, скифы обустривались в Таврике надолго, возводя города и крепости, частично переходя к оседлому образу жизни. Однако для них это имело, как это не покажется странным, и негативные последствия. Дело в том, что военная доктрина скифов всегда подразумевала маневренную войну. Заманивание противника в глубину своей территории, изматывание нападениями мелких отрядов и сокрушительная атака всеми силами, когда враг измотан, – вот основы их стратегии и тактики. А теперь, у стиснутых в ограниченных пространствах Таврики и низовьях Борисфена скифов, такой возможности не было. Их правители не могли ответить врагам словами легендарного царя Иданфирса: *«У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно»* (Геродот). Вести маневренную войну стало невозможно ещё и потому, что скифы волей-неволей оказывались привязанными к своим городам. Но главной бедой оказалось то, что цари Малой Скифии никак не отреагировали на такое изменение ситуации и не проверили военную реформу. Мобильные отряды конных лучников так и остались главной ударной силой скифов. В противостоянии с сарматами, которые делали главную ставку на тяжёлую панцирную кавалерию, а конных стрелков использовали для прикрытия, такая тактика уже не срабатывала. Что же касается скифской пехоты, то её боевые качества всегда оставляли желать лучшего, и большой ошибкой скифских царей Скилура и Палака стало то, что они не уделили должного внимания этому роду войск.

Хотя действовали скифские цари с размахом. Во время раскопок в Неаполе Скифском было найдено посвящение Ахиллесу, которое сделал наварх Посидей. В тексте говорится о том, что, находясь на службе у скифского царя Скилура, Посидей, сын Посидея, одержал

¹⁰ Борисфен – античное название Днепра.

в морском бою победу над пиратами сатархами. Хотя казалось бы, что скифы и море понятия несовместимые. Поэтому можно говорить о том, что начавшееся возрождение Малой Скифии имело серьезные шансы на успех. Однако проблема заключалась в том, что, укрепившись в Таврике, скифские цари вынуждены были столкнуться с Боспорским царством и Херсонесом Таврическим. Именно взаимоотношения между этими тремя государствами и определили дальнейший ход событий в регионе.

* * *

В VI в. до н. э. на территории Керченского полуострова эллины из Ионической Греции основывают ряд колоний. Это прежде всего Пантикапей¹¹, Нимфей, Мирмекий и Феодосия. На восточном берегу Керченского пролива, который в древности назывался Боспор Киммерийский, строятся Фанагория и Гермонасса. Само описание пролива содержится в труде Страбона: *«Неподалеку находится селение Патраей, от которого 130 стадий до селения Корокондамы. Последнее является концом так называемого Киммерийского Боспора. Так называется узкий пролив у входа в Меотиду¹²; он тянется от теснин между Ахиллеем и Мирмекием вплоть до Корокондамы и маленького селения по имени Акра, лежащего напротив в области пантикапейцев; Акра отделена от Корокондамы проливом в 70 стадий шириной. Ведь лед простирается также до этих пор, когда во время морозов Меотида замерзает, так что по льду можно ходить пешком. Повсюду в этом узком проходе есть удобные гавани»*.

Также географ рассказывает о том, почему пролив получил такое название: *«Некогда киммерийцы властвовали на Боспоре. Поэтому целая часть пролива, простирающаяся до устья Меотиды, называется Киммерийским Боспором»*. Данный факт ученый эллин отмечает ещё раз: *«Некогда киммерийцы обладали могуществом на Боспоре, почему он и получил название Киммерийского Боспора. Киммерийцы – это племя, которое тревожило своими набегами жителей внутренней части страны на правой стороне Понта вплоть до Ионии. Однако скифы вытеснили их из этой области, а последних – греки, которые основали Пантикапей и прочие города на Боспоре»*. Примечательно, что на территории Боспорского царства находился и город с названием Киммерик, который являлся важным опорным пунктом в системе обороны страны на западных границах.

До определенного момента все основанные в этом регионе колонии существовали сами по себе, но возникшая угроза со стороны скифов вынудила эллинов объединиться. Столицей нового государственного образования стал Пантикапей. Однако скифская проблема была решена далеко не сразу. Степняки свободно разъезжали по землям Боспорского царства, причем не только летом, но и зимой. Мало того, своими набегами они умудрялись тревожить даже Фанагорию, невзирая на то что она находилась на восточном берегу пролива. А происходило это по одной простой причине – как мы помним, зимой пролив замерзал. Кроме Страбона об этом свидетельствует и Геродот, отмечая при этом факт миграции скифов на восток: *«Море здесь и весь Боспор Киммерийский замерзают, так что скифы, живущие по эту сторону рва, выступают в поход по льду и на своих повозках переезжают на ту сторону до земли синдов»*.

Экстренная ситуация потребовала экстренных мер, и в 480 г. до н. э. власть в Пантикапее берут выходцы из Милета Археанактиды, представители знатного рода. Благодаря тому, что в их руках оказались ресурсы объединившихся полисов, Археанактиды сумели справиться с вторжениями скифов. На западных границах государства возводится укрепленная

¹¹ Современная Керчь.

¹² Меотида – античное название Азовского моря.

линия обороны, протянувшаяся от Меотиды до города Тиритака и вошедшая в историю под названием Тиритакского вала. Вокруг городов возводятся каменные стены, а с некоторыми местными племенами заключаются союзы и их воины в качестве наемников несут службу в боспорской армии.

После того как скифская угроза была ликвидирована, начинается быстрый экономический подъем страны. Появляется множество сельских поселений, где начинает активно развиваться виноградарство и хлебопашество, что в свою очередь служит толчком к развитию торговли. Главным товаром боспорских купцов и торговцев становится хлеб, а Боспорское царство в течение длительного времени будет главной житницей Эллады. Также процветает торговля с Ионической Грецией, Гераклеей Понтийской и Синопой. Примечательно, что Страбон четко делит Боспорское царство на две части – европейскую, которая находится на Керченском полуострове, и азиатскую, которая находится на Тамани. Вот что географ сообщает по данному поводу: *«Все племена, подвластные властителям Боспора, называются боспоранами. Главным городом европейских боспоранов является Пантикапей, а азиатских – Фанагорий (потому что так называется этот город). Фанагория, по-видимому, является перевалочным пунктом для товаров, доставляемых из Меотиды и вышележащей варварской страны, а Пантикапей – для товаров, привозимых туда с моря».*

В 438 г. до н. э. в Боспорском царстве происходит смена династии и вместо Археанактидов к власти приходят Спартокиды. В результате активной внешней политики им удается захватить Феодосию. Борьба за этот город была долгой и упорной (389–364 гг. до н. э.), поскольку на стороне Феодосии выступила Гераклея Понтийская. Сначала боспорский царь Сатир I потерпел в этом противостоянии поражение, но его преемник Левкон призвал на помощь скифов и одержал победу. Правители Боспора расширяют свои владения на Таманском полуострове, им удается захватить и земли вдоль восточного побережья Меотиды. Страбон сообщает, что именно эллины с Боспора основали город Танис, лежащий в устье одноименной реки¹³. Так же географ дает подробное описание земель, входящих в состав азиатского Боспора: *«При въезде в Корокондамитиду находятся значительный город Фанагория, Кепы, Гермонасса и Апатур – святилище Афродиты. Фанагория и Кепы расположены на упомянутом острове при входе в озеро с левой стороны, а остальные города – за Гипанисом в Синдской области. В Синдской области есть место Горгиипия – царская столица синдов, недалеко от моря, а также Аборака».*

Как видим, ситуация стабилизировалась, государство расширило свою территорию, укрепилось и в IV в. до н. э. достигает наивысшего расцвета. Однако потом положение дел заметно ухудшается. Связано это было прежде всего с тем, что начался планомерный натиск сарматов на запад. Скифы под их напором откатывались в Таврику и к Борисфену, поэтому правители Боспора стали ощущать натиск варваров на восточных границах государства.

Но помимо внешнеполитических проблем возникли проблемы экономические. Связано это было прежде всего с тем, что роль Боспора как главной хлебной житницы в Эгейском регионе снизилась, а на первое место вышел Египет Птолемеев. Главный торговый партнер Пантикапея – Афины – медленно приходит в упадок.

И наконец, в стране начинаются внутренние неурядицы. В 310 г. до н. э. вспыхнула борьба за власть между сыновьями царя Перисада I – Сатиром и Пританом, с одной стороны, и Эвмелом – с другой. Первых поддержат скифы, второго – сарматы. Победителем в этой схватке выйдет Эвмел, но его правление продлится недолго.

К этому времени у правителей Боспора установились со скифами вполне дружеские отношения, можно даже сказать союзнические. С одной стороны, это объяснялось тем, что у тех и других был один общий враг – сарматы. И если скифы сражались с ними на лево-

¹³ Танис – античное название реки Дон.

бережье Днепра, то боспорские цари вели против сарматов боевые действия в Прикубанье. Защита своих владений на востоке была для них важнейшей задачей, поскольку Фанагория, Гермонасса и Горгиппия своим богатством привлекали варваров. Кроме войны с сарматами боспорская армия и флот вели боевые действия против племен зигов, ахейцев (не путать с ахейцами Балканской Греции) и гениохов, которые проживали вдоль Кавказского побережья и терроризировали весь регион своими пиратскими набегами. Интересную информацию об ахейцах и гениохах сообщает Страбон, поскольку считает, что их предки были выходцами из Эллады: *«Как говорят, эту Ахею заселили фтиотийские ахейцы из войска Иасона, а лаконцы поселились в Гениохии; предводителями последних были Крекаси Амфистрат – возницы Диоскуров; по всей вероятности, гениохи¹⁴ получили свое имя от них»*. Но главным врагом Боспора были именно сарматы.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что между Неаполем Скифским и Пантикапеем установилось взаимопонимание. Скифы помогали своим соседям войсками, а правители Боспора с удовольствием принимали к себе на службу воинственных скифских аристократов, которые со временем входили в состав правящей элиты. Многие простые скифы переходили к оседлой жизни на территории соседней страны и обзаводились собственным хозяйством. Ярким примером того, как скифы помогали своим соседям, является война Боспорского царства с Гераклеей Понтийской за Феодосию. Согласно сообщению Поллиэна, царь Левкон I использовал войска союзников в качестве заградительных отрядов, поставив скифских лучников позади строя боспорских гоплитов и приказав убивать всех отступающих. Как видим, скифам Левкон доверял гораздо больше, чем собственным войскам. Да и в битве на реке Фат в 310 г. до н. э., когда сарматы поддерживали претендента на трон в Пантикапее, скифы выступили на стороне законного правителя.

Как видим, сотрудничество было взаимовыгодным.

Однако это касалось дел внешнеполитических, во внутренних же делах на Боспоре Киммерийском царил полный разброд и шатание. Царь Перисад V, несмотря на поддержку скифов, не смог остановить натиск варваров на восточные границы Боспорского царства, чем вызвал всеобщее недовольство в стране. К тому же к кризису внешнему добавился кризис династический. Поскольку у царя не было наследника, то вопрос о том, кто сядет на трон в Пантикапее после смерти Перисада, приобретал важнейшее значение. И здесь мнения представителей правящей элиты расходились радикально.

Военная аристократия, которая в основном была представлена скифами, предлагала надеть царскую диадему либо на одного из её представителей, либо на одного из сыновей скифского царя Скилура и тем самым ещё больше содействовать сближению Малой Скифии и Боспорского царства. Но не меньшее количество знати стояло за то, чтобы передать власть над страной Митридату Евпатору. В этом случае армия Понта сумела бы защитить Боспор от варварских набегов, а царский флот покончил бы с пиратством в регионе, поскольку оно стало приобретать поистине катастрофические размеры.

Проживающие к югу от Горгиппии¹⁵ племена ахейцев, зигов и гениохов на небольших лёгких судах, которые назывались «камары», совершали разбойничьи набеги вдоль всего побережья Кавказа, грабя не только купеческие суда, но и приморские районы. Достоин внимания тот факт, что в доле с пиратами находились и некоторые представители властей Боспорского царства, о чем есть недвусмысленное свидетельство Страбона. *«Снаряжая флотилии таких “камар” и нападая то на купеческие корабли, то даже на какую-нибудь страну или город, они господствовали на море. Иногда им помогают даже жители Боспора, предоставляя свои корабельные стоянки, рынок для сбыта добычи»*. Поэтому борьба с пират-

¹⁴ Гениохи – возницы.

¹⁵ Современная Анапа.

ством со стороны боспорского правительства выглядела войной с ветряными мельницами. Другое дело, если бы этой проблемой занялся Митридат...

Стране требовалась серьезная встряска, а Евпатор был тем человеком, который мог это сделать.

* * *

Богат и славен город Херсонес Таврический, один из главных центров эллинов в Северном Причерноморье. Вся западная Таврика находится под его властью, предприимчивые купцы торгуют с окрестными народами, далекими Афинами и городами Малой Азии, а храбрые гоплиты надежно охраняют покой и мирный сон граждан. Начиналось же всё достаточно банально и буднично.

В эпоху Великой греческой колонизации, в 560 г. до н. э. выходцами из города Мегара, расположенного на берегу Саронического залива в Балканской Греции, была основана колония Гераклея. Поскольку она строилась на южном берегу Понта Эвксинского, то и получила название Гераклея Понтийская. Со временем город стал крупнейшим торговым центром в регионе, куда стекались товары из Эллады и Малой Азии, а уже оттуда они попадали в Северное Причерноморье. Со временем интерес гераклеотов к этим землям усилился, и, как следствие, в 422 г. до н. э. они выводят в Таврику свою колонию Херсонес. Поскольку город с таким названием уже существовал (Херсонес Фракийский), то новый город по своему местоположению стал называться Херсонес Таврический.

Построен он был на Гераклейском полуострове и с самого основания, будучи ещё совсем маленьким городком, был вынужден бороться за свое существование с местными племенами тавров. Борьба шла с переменным успехом, но херсонеситы постепенно расширяли свою территорию, вытесняя противника в горы. В полисе постепенно развивается экономика, что в свою очередь начинает оказывать влияние на внешнюю политику Херсонеса. К концу IV в. до н. э. это уже сильное и стабильное государство, значительно расширившее свои владения за счет земель на северо-западе Таврики.

Именно III – II вв. до н. э. являются временем расцвета города. Территория самого Херсонеса в это время существенно увеличивается, а городская планировка перестраивается по Гипподамовой системе. Строятся монетный двор, мастерские по производству керамики, театр. Одновременно со стороны суши Херсонес обносят новыми стенами с башнями, и город превращается в неприступную крепость.

Херсонеситы продолжают захватывать новые земли. Их власть признают крепости Керкентиды¹⁶ и Калос Лимен¹⁷ (эллины иногда называли Прекрасная гавань). На новых землях активно развивается хлебопашество, разводятся виноградники, появляются винодельни. Вино, наравне с торговлей хлебом и соленой рыбой, становится одним из главных источников Херсонеса. Об этом нам сообщает Полибий: *«Так, прилегающие к Понту страны доставляют нам из предметов необходимости скот и огромное множество рабов, бесспорно превосходнейших; из предметов роскоши они же доставляют нам в изобилии мед, воск и соленую рыбу. От избытка наших стран те народы получают оливковое масло и всякого рода вино; хлебом они обмениваются с нами, то доставляя его нам, когда нужно, то получая от нас»*. Страбон также заостряет внимание на торговле хлебом и рыбой: *«Кроме гористой приморской области, простирающейся до Феодосии, весь остальной Херсонес представляет равнину и плодороден, особенно богат он хлебом. Во всяком случае, поле, вспаханное первым попавшимся лемехом, приносит урожай в 30 мер... И в прежние вре-*

¹⁶ Современная Евпатория.

¹⁷ Находился в районе современного Черноморска.

мена отсюда доставлялся хлеб греками, так же как вывозилась соленая рыба из рыбных промыслов озера». Как видим, город становится важнейшим торговым пунктом в регионе Понта Эвксинского.

До поры до времени Херсонес обеспечивал хлебом не только жителей города, значительное количество зерна шло на продажу. Здесь главным торговым партнером херсонеситов были Афины. Недаром афиняне всегда очень трепетно относились к проблеме проливов, соединяющих Понт Эвксинский с Эгейским морем, поскольку именно этим путем везли в город хлеб из Северного Причерноморья. Правда, со временем Афины пришли в упадок, но торговцы из Херсонеса быстро сориентировались в ситуации и перенаправили свои усилия на торговлю с Родосом и Малой Азией.

Однако растущее благосостояние города вызывало зависть у соседей, среди которых было немало охотников до чужого добра. Это были прежде всего скифы и тавры. И если с таврами гражданское ополчение справлялось весьма успешно, то против скифов шансов у эллинов не было. Примерно с III в. до н. э. натиск скифов на город усиливается, и с этого времени самым тесным образом переплетаются судьбы Херсонеса, Боспорского царства и Малой Скифии. В итоге, между этими государствами завязывается такой тугой узел противоречий, что разрубить его можно только мечом.

* * *

Взаимоотношения между Малой Скифией и Херсонесом складывались иначе, чем между Боспорским царством и скифами. Наступление степняков на полис, которое гражданское ополчение было не в силах остановить, вызвало в городе самую настоящую панику. Херсонеситы ринулись искать себе могущественного союзника, и, как им показалось, нашли. Это были сарматы, кровные враги скифов. Царица Амага благосклонно отнеслась к просьбе эллинов. Поллиэн рассказывает, что *«херсонеситы, жившие на Таврике, терпя бедствия от царя находившихся поблизости скифов, попросили у неё права стать союзниками»*. Далее историк сообщает о том, что царица сарматов Амага написала письмо скифскому царю, *«приказав удерживаться от нападений на Херсонес»*. Но в Неаполе Скифском предупреждению не вняли, за что и поплатились.

Во главе конного отряда Амага внезапно напала на ставку скифского царя и учинила там жестокую резню. В живых остался только наследник трона, которого пощадила Амага. Согласно Поллиэну, царица *«вернула землю херсонеситам, сыну же убитого вручила царство, повелев править справедливо и удерживаться от нападений на живущих по соседству эллинов и варваров, видя кончину своего отца»*. Скорее всего, этим самым наследником оказался Аргот, отец легендарного царя Скилура, возродившего Малую Скифию.

Казалось, что своих целей эллины достигли. Но союз с сарматами оказался недолговечным, и херсонеситам срочно пришлось искать себе нового покровителя. В этот раз им стал царь Понта Фарнак I, дед Митридата Евпатора. В 179 г. до н. э. между базилевсом и Херсонесом был заключен договор. Мраморная плита, на которой он был высечен, была найдена в 1908 г. при раскопках древнего города. Обязательства Фарнака сводились к следующему: *«Я всегда буду другом херсонесцам и, если соседние варвары выступят походом на Херсонес или на подвластную херсонесцам страну, или будут обижать херсонесцев, и они призовут меня, буду помогать им, поскольку будет у меня время, и не замыслю зла против херсонесцев никоим образом, и не пойду походом на Херсонес, не подниму оружия против херсонесцев и не совершу против херсонесцев ничего такого, что могло бы повредить народу херсонесскому, но буду содействовать охране его демократии по мере возможности, пока они останутся верными дружбе со мной»*.

Обратим внимание на то, что в договоре присутствуют такие фразы, как *«буду помогать им, поскольку будет у меня время»* и *«буду содействовать охране его демократии по мере возможности»*. По большому счёту, это означало только одно – данный документ Фарнака ничему не обязывал. Цари, как известно, народ очень занятой, а потому базилевс Понта на любую просьбу о помощи мог заявить с чистой совестью: времени нет, чтобы вашими делами заниматься, сами разбирайтесь, а если что не нравится, то читайте договор.

И ведь не придерешься! С формальной точки зрения Фарнак прав! То же самое касается и заботы о херсонесской *«демократии»*.

Однако сам факт наличия подобного договора рано или поздно должен был сыграть свою роль. Что и произошло, когда царь Малой Скифии Скилур решил раз и навсегда покончить с Херсонесом. В конце III в. до н. э. скифы повели мощное наступление на земли эллинов и отбили у херсонеситов Керкентиду и Калос Лимен, где поставили свои гарнизоны. Лишившись своих богатых владений на северо-западе Таврики, Херсонес стал испытывать серьёзные экономические трудности. Но этим дело не закончилось.

После смерти Скилура царем Малой Скифии стал его сын Палак, который начал вторжение уже непосредственно на Гераклейский полуостров. Вот это уже было смертельно опасно для Херсонеса. Именно здесь находились земельные наделы граждан, стояли их загородные усадьбы, росли виноградники, выращивался хлеб. Скифы же огнем и мечом прошлись по этим землям. Встав лагерем в районе Гераклейского полуострова, Палак рассылал в разные стороны мобильные конные отряды, которые разоряли окрестности Херсонеса, нанося смертельный удар по его экономике. Гражданское ополчение города вело со степняками битву не на жизнь, а на смерть, но под давлением превосходящих сил врага вынуждено было сдавать одну позицию за другой. Дело шло к тому, что Херсонес может оказаться в осаде.

Правящая верхушка города прекрасно понимала, что речь идёт о жизни и смерти полиса. Только помощь со стороны могла спасти Херсонес от гибели. Но Боспор был в дружественных отношениях с Малой Скифией, и рассчитывать на его поддержку было глупо. Оставалась лишь одна сила, способная помочь Херсонесу, – базилевс Понта Митридат VI. Конечно, эллины понимали, что за своё покровительство Евпатор запросит очень высокую цену, и хорошо, если оставит им хотя бы призрак независимости. Но иного выхода не было, Палак железной рукой брал Херсонес за горло. Поэтому в столицу Синопу отправилось посольство из самых уважаемых граждан, чтобы убедить Митридата спасти гибнущий город.

* * *

Базилевс Понта был хорошо осведомлён о том, что творится в Таврике. От купцов и шпионов он знал о том, что происходит в Пантикапее и Херсонесе. Поэтому прибытие посольства херсонеситов для него не стало неожиданностью. Царь заранее всё обдумал и взвесил на весах своей мудрости последствия того или иного решения по существующей проблеме. А вопрос был очень простым – воевать со скифами или нет.

Прежде всего, царя пугала слава этого народа как непобедимых воинов: *«Когда до него два царя, Дарий и Филипп, некогда осмелились не то что покорить, а только вступить в Скифию, они с трудом спаслись оттуда бегством»* (Юстин). Впрочем, вполне возможно, что Митридат эту войну начал бы и без приглашения херсонеситов. В том, что рано или поздно интересы Рима и Понта столкнутся, базилевс не сомневался, поэтому и занимался в данный момент укреплением своего государства. Средиземноморской державе римлян он собирался противопоставить свою державу, внутренним озером которой будет Понт Эвксин-

ский. Евпатор хотел объединить все эллинские города по его берегам. И Херсонес Таврический становился первым шагом на этом пути.

Опасения, которые терзали Митридата перед принятием решения огромной политической важности, очень точно отразил Юстин: *«К Понтийской войне он, Митридат, приступил с гораздо большей робостью и неуверенностью, так как сам был в то время неопытен и неискушен в военном деле; защитой же скифам служат – помимо оружия и храбрости – незаселенные степи и холода, что сулило войску большие трудности и опасности. К этим затруднениям присоединялось также и то, что не было надежды на добычу от врагов-кочевников, у которых нет даже селений, а не то что денег»*. Однако, отбросив все сомнения, базилевс решение принял – войне со скифами быть!

Но здесь хотелось бы обратить внимание вот на какой момент. Дело в том, что лично Митридат со скифами и варварами Прикубанья и Кавказского побережья воевать не будет. Ведение боевых действий он поручит своим стратегам. Такое поведение идёт вразрез с традициями эллинистических монархов, которые лично вели свои армии в бой. И Александр Македонский, и диадохи, и эпигоны считали делом чести не только вести войско в поход, но и находиться во время битвы в первых рядах своих бойцов. Нередко подобная храбрость оборачивалась катастрофой для армии, что наглядно продемонстрировало поведение Филиппа V Македонского в битве при Киноскефалах и Антиоха III великого в битве при Магнезии. Почему же Митридат вел себя иначе?

Евпатор трусом не был, это он доказал всей своей жизнью. Трус никогда не посмел бы бросить вызов самой страшной силе в Ойкумене – Римской республике. В дальнейшем мы увидим, как Митридат не раз будет лично водить воинов в атаку. Говорить о том, что базилевс ничего не понимал в стратегии и тактике, тоже не приходится. Во время войн с Римом Евпатор в полной мере продемонстрирует свое ратное мастерство, и войска под его командованием не раз будут бить «непобедимые» легионы. Дело, скорее всего, в том, что здесь Митридат следовал воинским традициям не эллинистических царей, а Ахеменидов, которых считал своими предками по линии отца. Персидские цари лично вставали во главе армий только в исключительных случаях.

Поэтому можно говорить о том, что перекладывая ведение войны в Таврике на своих полководцев, Митридат действовал согласно древним персидским традициям. Боевые действия на окраине античного мира не представляли опасности для Понтийского царства, поэтому базилевс и отправил туда тех, кому по должности положено заниматься военными делами. А сам занялся делами государственными.

Война против скифов

Послы Херсонеса Таврического почтительно внимали базилевсу Митридату Евпатору. Царь говорил о том, что он не может оставить в беде эллинов, что дерзких варваров, посмевших нападать на город, надо как следует проучить, и он, Митридат, сделает это. А чтобы жители города окончательно избавились от страха перед скифами, в Херсонесе будет стоять понтийский гарнизон, который будет охранять покой горожан. Послы поморщились от такого заявления, понимая, что в этом случае независимости их полиса придет конец, но иного выхода, как принять условия Митридата, у них не было. Херсонес истекал кровью в борьбе со скифами, варвары опустошали поля граждан, превращая их загородные усадьбы в пепел, и шансов на то, что городское ополчение выйдет победителем из этого противостояния, не было.

Отпустив эллинов, базилевс велел позвать полководца Диофанта. Диофант, сын Асклепиодота, был опытным военачальником, хорошо разбирался как в тактике, так и в стратегии. Разговор был долгим и обстоятельным. Царь пояснил, что основной задачей стратега будет не помощь Херсонесу, а разгром царя Палака. И подчинение Малой Скифии власти Митридата. Но было и ещё одно не менее важное дело, которое требовало от Диофанта совсем иных талантов. Речь шла о Боспорском царстве.

Евпатор прекрасно знал о том, что кризис власти на Боспоре достиг своего апогея. Натиск варваров на восточные границы государства и недовольство широких масс населения произволом правящей элиты делали ситуацию взрывоопасной. Часть боспорской аристократии, купцы и торговцы, были готовы ради установления стабильности и порядка в стране, а также спокойствия на границах отказаться от независимости и признать власть Митридата. Этого же хотело и эллинское население крупных городов. Однако существовало и иное мнение, выразителем которого были военные, главным образом выходцы из Малой Скифии. Они опирались на поддержку армии и оседлого скифского населения в стране.

Исходя из сложившейся ситуации, Митридат велел Диофанту прибыть в Пантикапей и при личной встрече с царем Перисадом V добиться передачи базилевсу Понта власти над Боспорским царством. А произойдёт это путем наследования или же Перисад просто отойдет от дел, значения не имело, важен был результат. Однако зная, что такие вопросы быстро не решаются и времени может пройти много, Митридат поручил Диофанту решить на Боспоре ещё одну задачу. Исходя из того, что Пантикапей и Неаполь Скифский довольно длительное время были союзниками, а скифы не раз приходили Боспору на помощь, военачальник должен был убедить правящие круги в Пантикапее воздержаться от поддержки царя Палака. Иначе война грозила затянуться на длительный срок, и её исход невозможно было предсказать.

Что же касается стратега, то в его распоряжение базилевс предоставил любые войска Понта и любые суммы из царской казны. Диофант низко поклонился царю и покинул дворец.

* * *

Понтийские корабли шли через Понт Эвксинский на помощь Херсонесу. Острые носы триер разрезали волны, ветер надувал паруса, а Диофант, собрав командиров на флагманском корабле, обсуждал план предстоящей кампании. Стратег знал, что скифские отряды свирепствуют в окрестностях города, разоряя усадьбы граждан и вытаптывая их поля, но с моря путь в Херсонес был свободен. Однако Диофант не видел смысла высаживать армию в городе и вступать в битву с Палаком только ради того, чтобы прогнать скифов с принадлежащих херсонеситам земель. Военачальник считал, что есть смысл высадить армию не

в Херсонесе, а на противоположной стороне бухты¹⁸. При таком раскладе Палак вынужден будет либо перебросить всю свою армию против Диофанта, либо часть войск оставить под Херсонесом, а с остальными силами атаковать понтийцев. В первом случае враг автоматически уходил от города и с Гераклейского полуострова, во втором стратег получал возможность бить противника по частям. Поэтому, когда понтийский флот подошел к Херсонесу, Диофант не стал выгружать армию на берег, а сел в лодку и лично прибыл в город. Здесь он ознакомился с обстановкой, выяснил некоторые подробности относительно вражеской армии, договорился с командирами гарнизона о совместных действиях, а затем вернулся на триеру. Наутро корабли Диофанта демонстративно отплыли к противоположному берегу бухты.

Когда Палаку доложили о том, что вражеский флот снимается с якоря и начинает движение в сторону бухты, он быстро сообразил, что к чему. Если Диофант высадит свои войска на берег, то скифы окажутся между молотом и наковальней – с одной стороны понтийцы, с другой гражданское ополчение Херсонеса. Этому необходимо было помешать. Царь решил оставить пехоту в лагере, а сам с кавалерией выступить навстречу Диофанту. Стан скифов превратился в потревоженный муравейник, тысячи людей облачались в доспехи, садились на коней и собирались в отряды. А затем вся эта лавина устремилась к морю.

Флот Диофанта вошел в бухту и двинулся вдоль берега, стратег искал подходящее место для выгрузки войск. Увидев такое, он распорядился, чтобы кормчие подвели корабли как можно ближе к мелководью, и войска начали высаживаться на берег. Но тут появились скифы. Это были знаменитые конные лучники, которых Палак выслал вперед, чтобы помешать высадке понтийцев. Выстроившись вдоль берега, они засыпали градом стрел тяжелую пехоту Диофанта, которая выгружалась с кораблей и по колено в воде брела к берегу. Сраженные стрелами, фалангиты один за другим падали в воду, набегавшие волны покраснели от крови, но понтийские ветераны, прикрываясь щитами, упорно шли на врага. Избегая рукопашной, лучники отступили, продолжая поражать стрелами противника, а сариссофоры достигли берега и стали строиться в фалангу. Но тут появилась тяжелая конница скифов во главе с царем.

Увидев, что враг ещё не построился в боевой порядок, Палак долго не раздумывал, а сразу же повел своих людей в атаку. Однако слаженного удара не получилось, кони выдохлись во время быстрой скачки, и понтийцы сумели отразить натиск. Когда же сариссофоры сомкнули строй, ошетинились длинными пиками и пошли вперед, для скифов всё было кончено. Панцирная кавалерия разбилась о строй фаланги. Не желая больше нести потери, всадники начали поворачивать коней и покидать место сражения. Следом за ними стали уходить и конные лучники. Видя всеобщее бегство, царь Палак хлестнул коня и поспешил за своими воинами. Армия Митридата одержала убедительную победу.

* * *

Об этой операции понтийского полководца сообщают только скудные строки из «Декрета в честь Диофанта», выбитого на постаменте статуи полководца, установленной в Херсонесе. Там говорится, что Диофант, *«прибыв в наш город, отважно совершил со всем войском переправу на ту сторону; когда же скифский царь Палак внезапно напал на него с большим полчищем, он, поневоле приняв битву, обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми»*. Как видим, здесь четко прописано, что военачальник Митридата переправился на противоположную сторону бухты и именно там сразился со скифами. Почему он так поступил, отмечалось выше. Между тем в «Декрете» говорится о том, что стратег принял

¹⁸ Современная Севастопольская бухта.

битву «поневоле». Это могло произойти только в том случае, что Диофант, который искал этой битвы, был вынужден сражаться в очень невыгодных условиях. Например, тогда, когда его войска высаживались на берег. Да и Палак, как видим, напал «внезапно», когда понтийцы этого явно не ожидали.

Вот и получается, что для того, чтобы совершить эту атаку, царю скифов пришлось оставить пехоту под стенами Херсонеса и бросить в битву одну лишь конницу. В противном случае он просто физически бы не успел перебросить войска к месту высадки и застать врага врасплох. Но, несмотря на искусно выполненный маневр, всё равно потерпел поражение.

После разгрома скифов Диофант совершил поход против тавров, чтобы обезопасить город и от этой угрозы. Удача снова сопутствовала стратегу, поскольку в «Декрете» четко говорится о том, что полководец подчинил тавров и основал на их землях город. В принципе, всё выглядит логично, поскольку построив на вражеских землях укрепленный пункт, Диофант сводил к минимуму угрозу нападений варваров на Херсонес. Но есть здесь один момент. Дело в том, что и Страбон сообщает о том, что именно сын Асклепиодота основал в Таврике крепость, но помещает он её в совершенно другое место. *«Была еще какая-то крепость – Евпаторий, основанная Диофантом, когда он был полководцем Митридата. Это – мыс приблизительно в 15 стадиях от стены херсонесцев, образующий значительной величины залив, обращенный к городу. Над этим заливом расположен лиман, где есть соляная варница».*

Археологи подтвердили, что на западном побережье Крыма, между городами Саки и Евпатория в районе городища Кара-Тобе действительно была древняя крепость. И хотя данная информация идет вразрез с сообщением «Декрета», но можно предположить, что Диофант основал не один укрепленный пункт, а два. Один на западе полуострова, другой в землях тавров, один раньше, другой позже, один во время первого похода, другой во время второго. И лишь избавив Херсонес от внешней угрозы, стратег отправился в Пантикапей на переговоры с царем Перисадом V.

О том, что Диофант делал на Боспоре, «Декрет» сообщает невразумительно и невнятно. Из текста следует, что стратег *«отправился в Боспорские местности и, совершив в короткое время много важных подвигов, снова воротился в наши места».* То есть в Херсонес. Но что это были за «подвиги» и в чем была их важность, можно только догадываться. Скорее всего, Диофанту удалось решить в Пантикапее два принципиально важных вопроса – о том, что Боспор не поддержит Малую Скифию в войне против Понта и о добровольной передачи власти Перисадом Митридату. Что граждане Херсонеса и прописали в «Декрете» как важные подвиги. Мы не знаем, явился Диофант на Боспор Киммерийский с войсками или без, но молниеносный разгром непобедимых скифов говорил сам за себя. Армия Митридата продемонстрировала свою силу в Северном Причерноморье, и горячие головы в Пантикапее, требовавшие немедленно оказать помощь царю Палаку, заметно поостыли. Да и царь Перисад стал сговорчивее.

Вернувшись в Херсонес, Диофант присоединил к своей армии гражданское ополчение города и выступил в поход на Неаполь Скифский. Столица Скифии и крепость Хабеи сдались победоносному полководцу без боя, поскольку сам Палак с приближенными и остатками войска бежал из Таврики в низовья Днепра. А братья беглеца просто не захотели связываться с Митридатом и выразили полную покорность его полководцу.

Возвращение Диофанта в Херсонес было триумфальным, граждане готовы были носить на руках своего избавителя. Десятилетиями висевшая над городом опасность скифских вторжений растаяла как дым, и произошло это благодаря Диофанту и базилевсу Митридату. Оставив в Херсонесе понтийский гарнизон, стратег погрузил армию на корабли и отплыл в Понт. Он и не подозревал, что скоро вернется обратно.

* * *

Царь Понта Митридат VI благосклонно и внимательно слушал Диофанта, сына Асклепиодота. Стратег рассказывал повелителю о том, как разгромил царя Палака и освободил Херсонес от осады, а затем посетил Пантикапей, где заручился принципиальным согласием Перисада V на добровольную передачу власти царю Понта. Диофант ораторствовал вдохновенно, всячески преувеличивая вражескую мощь и собственную доблесть, но Евпатор был настроен благодушно. Пусть немного похвастается перед базилевсом – заслужил!

Отпустив военачальника, Митридат откинулся на спинку трона и задумался. На первый взгляд, для него всё складывалось очень хорошо. Херсонес признал власть Понта, царь Палак разбит и отброшен в степи, а Перисад V готов отказаться от царства. Но с другой стороны, царь скифов разбит, но не уничтожен, а Перисад это ещё не весь Боспор. Евпатор знал, что в Пантикапее есть люди, которые желают, чтобы Боспорское царство перешло под его руку. Но знал он и то, что не меньшее количество аристократов этого не хочет. Боспорские скифы никогда не согласятся признать над собой власть заморского чужака. Поэтому нельзя было исключать того, что царь Малой Скифии Палак снова соберет войска и начнет наступление в Таврике, а на Боспоре может начаться смута. Митридат понимал, что похвальба Диофанта может оказаться преждевременной и главные трудности ещё впереди. И когда в конце осени базилевсу доложили о том, что скифы снова осадили Херсонес, он не удивился.

Но в этот раз всё было гораздо серьезнее. Не рассчитывая на собственные силы, Палак привлек на свою сторону царя сарматского племени роксолан Тасия. Союз между скифами и сарматами мог присниться Митридату разве что в дурном сне, поскольку такого просто не могло быть. Но, тем не менее, это произошло. Великолепные скифские конные лучники и грозные сарматские катафракты под одним знаменем были той силой, которую практически невозможно победить. И Евпатор велел снова позвать Диофанта.

...Склонившись перед повелителем, стратег выслушал волю Митридата. Царь был краток – скифов разгромить так, чтобы и думать забыли о походах против эллинов в Таврике. В захваченных у Палака городах разместить понтийские гарнизоны. После чего официально отстранить Перисада V от власти и привести Боспор Киммерийский под руку базилевса Понта. С тем Диофант и отправился к войскам.

Полководец понимал, что задача, которую перед ним поставил царь, невероятно сложная. Причем проблема заключалась не только в том, как разгромить объединенное войско скифов и роксолан. Дело в том, что с наступлением зимы судоходство по Понту Эвксинскому прекращалось, поскольку бури и непогода представляли смертельную угрозу для мореходов. А Диофанту надо было перебросить в Херсонес целую армию. Город изнемогал под натиском варваров. Понтийский гарнизон окопался на противоположной стороне бухты в гавани Ктенунт и отражал бешеные атаки скифов и роксолан. И как долго они продержатся, никто не мог предсказать. Поэтому необходимо было идти на риск и отправляться в плавание зимой, иного выхода Диофант из сложившейся ситуации не видел. Потому что если падет Херсонес, то голова стратега падет на плахе. Митридат жесток и не потерпит ослушания.

Но понимал военачальник и то, что Палак и Тасий не ждут прибытия понтийской армии в это время года. Они не сомневаются в невозможности плавания зимой через Понт Эвксинский, а потому уверены в своей безнаказанности. И если переброска армии пройдет удачно, то этим их просчетом можно будет воспользоваться. Отступать Диофанту было некуда, и он велел собирать своих командиров.

* * *

Дозорные на башнях Херсонеса не поверили своим глазам, увидев понтийские корабли. Похожие чувства испытали и Палак с Тасием, им и в голову не могло прийти, что кто-либо рискнет зимой пересечь Понт Эвксинский. С появлением армии Диофанта стратегическая ситуация менялась радикально, о штурме Херсонеса теперь и речи не было. Поэтому цари-союзники сняли осаду и ушли к Неаполю Скифскому, а войска стратега вступили в город.

Полководец Митридата не собирался отсиживаться за крепостными стенами, а сразу же перешел к активным действиям. Оценив обстановку, Диофант решил нанести удар прямо на Неаполь Скифский и таким образом спровоцировать Палака на битву. Стратега не пугало, что неожиданно ударили сильные холода, а в заваленных снегом степях свирепствовали метели. Рассудив, что иного пути у него нет, Диофант присоединил к своему войску отряд отборных херсонесских гоплитов и выступил в поход.

Трудности начались сразу же. Конные стрелки скифов и сарматов появились словно ниоткуда и засыпали марширующую колонну градом стрел. Стратег послал против них критских лучников и легковооруженных воинов, но кочевники не стали принимать боя и скрылись в степи. Но как только войско Митридата двинулось вперед, вражеские наездники вернулись. Снова летели стрелы, снова падали на окровавленный снег гоплиты и сариссофоры, но как только мобильные войска Диофанта вступали в соприкосновение с врагом, скифы и роксоланы разворачивали коней и уходили от прямого столкновения. А затем возвращались и вновь начинали кружить вокруг понтийской армии. Потери росли, враг по-прежнему был неуловим.

Неожиданно стратег обнаружил, что сам себя загнал в ловушку. Идти вперед, под скифскими стрелами было смерти подобно, при таком положении дел вряд ли и половина его армии дойдет до Неаполя Скифского. А те, что дойдут, будут сильно изранены и настолько измотаны переходом, что вряд ли будут боеспособны. Вот тут их и раздавят катафракты сарматов. Но и назад возвращаться было невозможно, поскольку скифы и роксоланы просто перестреляли бы его бойцов во время отступления. Тем временем погода испортилась окончательно. Воины Диофанта замерзали на стылом степном ветру, бросали оружие и снаряжение и зябко кутались в плащи, пытаясь согреться. Поваливший густой снег окончательно остановил продвижение войск, но он же помешал и легкой кавалерии противника продолжить атаки. Порывы ветра швыряли снег в лицо конным лучникам и мешали точно выбрать цель. Понимая, что здесь уже ничего сделать нельзя, Палак велел своим людям уходить, и лихие наездники скрылись за снежной пеленой.

Увидев, что враг ушел, Диофант решил воспользоваться предоставленным ему шансом на спасение. Развернув армию, он повел её на запад, к морю, а затем вдоль побережья на Керкентиду. Потерпев неудачу в походе на Неаполь Скифский, стратег решил атаковать врага с другого направления, там, где его не ждали. Вполне вероятно, что Диофант снова использовал флот и перебросил войска к Керкентиде морем, поскольку в данной ситуации он наверняка избегал встречи с конными лучниками противника. В любом другом случае Палаку и Тасию ничего не стоило снова перехватить понтийскую армию на марше.

Расчет стратега на то, что на северо-западе он застанет врага врасплох, оправдался, поскольку крепости Керкентиды и Стены были захвачены с ходу. Однако в Прекрасной гавани (Калос Лимен) успели узнать о появлении понтийской армии и захлопнули ворота прямо перед носом Диофанта. Воины скифского гарнизона решительно заперлись, и полководцу Митридата не оставалось ничего другого, как приступить к правильной осаде города.

Для Диофанта это было очень плохо. Во-первых, потому, что в захваченных городах ему пришлось оставлять гарнизоны и тем самым ослабить главную армию. А во-вторых, держа в осаде Калос Лимен, он невольно оказывался между молотом и наковальней, поскольку Палак с Тасием в любой момент могли прийти на помощь осажденным. И вот тогда стратег оказался бы зажат между крепостью, где засел гарнизон, и огромной варварской ратью, которая в несколько раз превосходила его войска численно. Как показало время, худшие опасения Диофанта оправдались.

* * *

Когда цари-союзники узнали о том, что армия Диофанта осаждает Калос Лимен, то подняли свои войска и выступили на выручку осажденному городу. Палак повел в бой всех, кто мог держать оружие в руках, поскольку прекрасно понимал, что настал судьбоносный момент и от исхода битвы зависит судьба Скифии.

Узнав о приближении вражеских войск, понтийская армия укрылась в укрепленном лагере. Был последний день зимы, когда в туманной дали замаячили первые неприятельские разьезды. Вскрабавшись на дозорную вышку у ворот, Диофант следил за тем, как вражеские полчища затопляют равнину перед лагерем. Резкие порывы пронизывающего ветра трепали черный конский хвост на шлеме стратега и развевали алый плащ за плечами, но полководец не чувствовал холода. Он понимал, что если Палак и Тасий возьмут лагерь в кольцо и перережут пути подвоза продовольствия, то его армия просто умрет с голоду. Конные лучники скифов и роксолан будут беспрепятственно уничтожать выходявшие на фуражировку отряды, а если понтийская армия попытается прорываться, то её расстреляют прямо на марше. Отчаянная оборона Калоса Лимена спутала все планы Диофанта, и теперь ему необходимо было выбраться из этой западни.

Тучи низко ползли по свинцовому небу, ветер усиливался, а стратег по-прежнему стоял на вышке, обдумывая создавшееся положение. Огромная армия Палака и Тасия медленно приближалась к понтийским укреплениям, но Диофант так и не придумал, как ему поступить. Решение пришло неожиданно. Если спровоцировать врага на битву прямо сейчас, то толку от грозных конных лучников не будет никакого, поскольку усиливающийся ветер не даст им вести прицельную стрельбу. Остальное было уже не страшно. Стратег не сомневался, что его сариссофоры сумеют остановить атакующий вал панцирной кавалерии скифов и сарматов. Ибо строй фаланги идеально подходил для отражения атак конницы. Что же касается вражеской пехоты, то её Диофант вообще не принимал в расчёт, поскольку был весьма невысокого мнения о её боевых качествах.

Приняв решение, полководец Митридата действовал быстро, поскольку была реальная опасность того, что ветер либо стихнет, либо изменит направление. Запели трубы, загремели боевые барабаны понтийцев, и армия Митридата начала покидать лагерь, выстраиваясь в боевые порядки на равнине. В центре Диофант поставил фалангу, сделав её стержнем всего боевого построения, фланги прикрыл пафлагонскими и каппадокийскими всадниками, а во второй линии построения поставил херсонесских гоплитов. Лучников, пращников и метателей дротиков стратег оставил в лагере, поскольку пользы от них в данной ситуации не было никакой. Закончив развертывание армии, Диофант повел своих бойцов в атаку. Взяв сариссы наперевес, фалангиты двинулись вперед.

Палак и Тасий, ехавшие на конях впереди своих воинов, немало удивились, когда ворота вражеского лагеря распахнулись и оттуда повалила на равнину понтийская армия. А когда немногочисленное вражеское войско построилось и пошло в наступление, удивились ещё больше. Однако Палак быстро оценил ситуацию и предложил Тасию отвести войска. Но царь роксолан неожиданно заупряился. Видя колоссальное численное преимуще-

ство над противником, он посчитал ниже своего достоинства отступить перед ним. Тщетно Палак убеждал союзника в том, что давать бой здесь и сейчас не следует, поскольку нет возможности использовать лучников. Что в данный момент лучше уклониться от сражения, а затем либо заблокировать вражескую армию в лагере, либо атаковать на марше. Но Тасий не послушал своего скифского коллегу и послал в атаку пехоту роксолан. Палак смирился с неизбежным и отправил следом в бой скифских пехотинцев.

Пешие скифы и сарматы набежали на фалангу, но были отброшены назад. Атаковали снова – и снова были вынуждены отступить. Сариссофоры искусно орудовали длинными пиками, пронзая сразу по несколько человек, кололи атакующих в лицо и в конце концов обратили врагов в бегство. Пешие воины союзников обладали слабым защитным вооружением и выучкой, а потому не могли на равных противостоять закаленным в боях ветеранам Диофанта. Однако беглецов остановили и снова послали в бой.

Тем временем вокруг Тасия стал формироваться ударный клин сарматских катафрактов, которых царь решил лично повести в бой. Панцирная конница скифов уже выдвинулась на фланги и начала охват понтийской армии. Ревели боевые рога варваров, реяли на ветру драконы сарматов, и масса тяжелой кавалерии пошла вперед. Окончательно разгромленная пехота Палака и Тасия разбежалась в разные стороны, когда земля загудела от удара тысяч копыт коней катафрактов. Многим убегающим пехотинцам не повезло, и они были растоптаны лавиной тяжелой конницы. Увидев, что в атаку идут главные силы врага, фалангиты поудобнее перехватили сариссы и теснее сдвинули строй.

Клин сарматов ударил в середину фаланги и намертво там увяз. Прорваться через частокол длинных копий не удалось, многие наездники оказались сброшены на землю. Сариссофоры без устали кололи пиками всадников и лошадей, смыкая ряды и медленно продвигаясь вперед. Сбитые на землю катафракты беспомощно барахтались в своих тяжелых доспехах и их добивали ударами кописов. Изломав в первом столкновении свои длинные пики, роксоланы потянули из ножен тяжелые мечи и начали рубить обступавших их понтийцев. Под их мощными ударами раскалывались шлемы, разлетались на куски щиты, но фаланга ломилась вперед железной стеной, всё сминая на своем пути. В бой ринулась легкая конница сарматов, надеясь сбить противника натиском тысяч коней, но фалангиты стояли насмерть. И вскоре Тасий с ужасом обнаружил, что от всего его многотысячного войска осталась лишь горсть телохранителей. Велев трубить отступление, царь роксолан хлестнул коня и помчался прочь с поля боя.

Тем временем тяжелая конница Палака обошла строй армии Диофанта и атаковала понтийцев с тыла. Навстречу им выдвинулось гражданское ополчение Херсонеса. Прикрываясь большими щитами и ошетилившись копьями, гоплиты смело пошли в бой. Скифы втоптали в землю передние шеренги эллинов и стали наращивать натиск. Многие всадники метали копья в противника, а затем били врагов боевыми топорами и палицами, рубили акинаками. Казалось, ещё немного – и греки побегут. Но в это время по скифам ударили пафлагонцы и каппадокийцы, которые до этого не принимали участия в сражении, и битва закипела с новой силой. Закованные в пластинчатые панцири всадники обменивались яростными ударами, рубились мечами, сбрасывали друг друга на землю ударами щитов. Победа склонялась то на одну, то на другую сторону. Однако, когда в бой вступила понтийская фаланга, которая к этому времени опрокинула сарматов, для Палака все было кончено. Большая часть его воинов погибла, остальные бросились прочь с поля боя. Вместе с ними бежал и царь.

Видя, что неприятель разбит наголову, Диофант велел кавалерии гнать его до тех пор, пока хватит сил. Победа была полной и безоговорочной, но побежденного врага надо было добить.

* * *

О том, как проходила вторая кампания Диофанта против скифов, нам известно из текста «Декрета», также некоторую информацию сообщает Страбон. Из текста «Декрета» следует, что царь Палак в преддверии решающей схватки с армией Митридата поднял на ноги всю Скифию: *«Палак, полагая, что время ему благоприятствует, собрал всех своих»*. Но царь не только решил бездумно задавить врага числом, он сознательно выбрал именно тот момент для атаки, когда часть войск Диофант был вынужден поставить гарнизонами в Керкентиде и Стенах. Тем самым ещё больше ослабив свою и без того немногочисленную армию. Поэтому стратегически Палак всё сделал правильно.

Теперь о тактической стороне дела. В «Декрете» говорится о том, что *«когда Диофант сделал разумную диспозицию, впоследствии для царя Митридата Евпатора победа славная и достопамятная на все времена: ибо из пехоты почти никто не спасся, а из всадников ускользнули лишь немногие»*. Что эта была за «разумная диспозиция», которая привела к столь сокрушительному разгрому союзников, мы не узнаем никогда. Правда, Страбон несколько проясняет ситуацию, причем географ даже приводит данные о численности противоборствующих армий. *«Роксоланы воевали даже с полководцами Митридата Евпатора под предводительством Тасия. Они пришли на помощь Палаку, сыну Скилура, и считались воинственными. Однако любая варварская народность и толпа легковооруженных людей бессильны перед правильно построенной и хорошо вооруженной фалангой. Во всяком случае роксоланы числом около 50 000 человек не могли устоять против 6000 человек, выставленных Диофантом, полководцем Митридата, и были большей частью уничтожены»*.

Как видим, подавляющее численное преимущество было на стороне царей-союзников, но никакой пользы из него они извлечь не сумели. И как следует из текста Страбона, решающую роль в победе Диофанта сыграла именно фаланга. А это могло произойти только в том случае, если Палак и Тасий пошли на армию Понта в лобовую атаку. В любой другой ситуации роль фаланги не была бы столь значительной. Получается, что союзники не смогли использовать свой главный козырь – конных лучников и просто перестрелять немногочисленных врагов, не вступая с ними в ближний бой. В данный момент это могло произойти только тогда, когда мешали погодные условия. В окрестностях Прекрасной гавани нет таких мест, где стратег мог бы укрыть свою армию от конных стрелков – ни высоких гор, ни узких ущелий. Поэтому единственное, что могло повлиять на участие в битве скифских и сарматских лучников – это погода. А она, судя по всему, союзникам не благоприятствовала.

Опять же, согласно «Декрету», у скифов и роксолан *«из пехоты почти никто не спасся, а из всадников ускользнули лишь немногие»*. Если конница не сумела избежать тяжелых потерь и полегла на поле боя практически вся, то и этот факт говорит в пользу того, что тяжелая пехота Диофанта сошлась в прямом столкновении с всадниками Палака и Тасия. Здесь даже панцирной кавалерии сарматов и скифов оказалось не под силу прорвать строй понтийской фаланги. Что же касается варварской пехоты, которая вся была уничтожена, то это неудивительно, если принять во внимание сообщение Тацита о том, как воевали пешие сарматы: *«нет никого хуже и слабее их в пешем бою»*! Надо думать, что то же самое можно было сказать и про скифскую пехоту. В решающей битве Диофант сумел использовать все сильные стороны военной организации Понта, а Палак и Тасий этого сделать не смогли. Очевидно, что главные козыри степняков – маневренность и быстрота – ими использованы не были, и битва свелась к фронтальному столкновению. Итог был закономерен.

После такого чудовищного разгрома имя скифского царя Палака больше не упоминается в источниках. Вполне возможно, что он убежал в низовья Борисфена (Днепра) или же нашел приют у своего союзника Тасия. Претендентов на власть в Неаполе скифском хватало

и без него, недаром Страбон отметил, что у отца Палака, царя Скилура, было 80 сыновей. Что же касается Диофанта, то после своей победы он выступил в поход на Хабеи и Неаполь Скифский, оставив гражданское ополчение Херсонеса осаждать Калос Лимен. В итоге, город будет захвачен, о чем станет известно из надписи на мраморной плите конца II в. до н. э., найденной в 1898 г. Столица Палака и близлежащие крепости будут захвачены стратегом без боя, поскольку защищать их будет некому. Звезда Скифии закатится навсегда, а её цари склонятся перед Митридатом.

В аналогичной зависимости окажется и Херсонес Таврический, который, по свидетельству Страбона, будет выплачивать дань базилевсу: *«Жители этой страны вместе с азиатскими областями около Синдики выплачивали в качестве дачи Митридату 180 000 медимнов¹⁹ и 200 талантов²⁰ серебра»*. Впрочем, жители города знали, на что шли, когда просили Евпатора о помощи против скифов.

¹⁹ Основная единица меры сыпучих тел в Древней Греции – 51,84 литра.

²⁰ Высшая весовая единица в Древней Греции – 20 кг 470 г.

Базилевс Савмак

После разгрома Палака и подчинения Херсонеса Диофанту оставалось сделать самую малость – официально привести под руку Митридата Боспор Киммерийский. Вопрос этот был чисто дипломатический, а не военный, поэтому стратег оставил своё войско и с небольшой свитой отправился в Пантикапей. Как следует из текста «Декрета», миссия полководца увенчалась полным успехом: *«Отправившись в Боспорские местности, он устроил тамошние дела прекрасно и полезно для царя Митридата Евпатора»*.

Большинство исследователей считает, что речь здесь идет о том, что Перисад V окончательно уступил власть над страной царю Понта. Вполне возможно, что и объявил об этом официально. О том, как это происходило, никаких сведений не сохранилось, но кое-что предположить можно. Ведь Митридат говорил, *«что он единственный из всех царей владеет не только отцовским царством, но и чужеземными, приобретенными благодаря его широкой щедрости путем наследования, а именно – колхами, Пафлагонией, Боспором»* (Юстин). А приобрести Боспорское царство путем наследования Евпатор мог только в одном случае – если его усыновил Перисад.

Однако у других античных авторов никаких сведений об этом усыновлении нет. Страбон просто отмечает сам факт добровольной передачи власти и не более того: *«В то же самое время Митридату удалось всех их подчинить силой и стать владыкой Боспора, получив эту область добровольно от владевшего ею Парисада»*. В дальнейшем географ снова обратит на это внимание. Рассказывая о Пантикапее, он сообщит следующую информацию: *«Долгое время городом, как и всеми соседними поселениями близ устья Меотиды по обеим сторонам, управляли властители, как Левкон, Сатир и Парисад, пока Парисад не передал свою власть Митридату. Этих властителей называли тиранами, хотя большинство их, начиная с Парисада и Левкона, были достойными правителями. Парисада даже почитали богом. Последний тиран также назывался Парисадом; он был не в силах противиться варварам, которые требовали большей прежнего дани, и поэтому передал свою власть Митридату Евпатору»*.

Ситуация представляется предельно ясной, и на основании этих сведений можно говорить о том, что царь Боспора Киммерийского Перисад V добровольно уступил власть над страной базилевсу Понта Митридату VI. Другое дело, кем в этом случае становился сам Перисад – то ли наместником Евпатора, то ли просто оставался у кормила власти до тех пор, пока новый владыка не пришлет ему замену. Вполне возможно, что бывший царь должен был получить какую-либо высокую должность при дворе Митридата.

Казалось, что дело сделано и Диофант может возвращаться в Херсонес, а оттуда с армией в Понт, но неожиданно ситуация резко осложнилась, а затем и вовсе вышла из-под контроля. На Боспоре не всем понравилось, что теперь во главе страны будет стоять иноземный правитель. В Пантикапее вспыхнуло восстание, Перисад V был убит, и на троне оказался новый базилевс, которого ни Диофант, ни Митридат не принимали в расчёт. Звали его Савмак.

* * *

О том, кто такой Савмак и какие цели он преследовал, существует масса самых различных версий, зачастую диаметрально противоположных. Например, С. А. Жебелев говорил о том, что Савмак – это *«доморощенный царский раб»*. Напротив, А. К. Гаврилов писал о том, *«что он стоит чуть ли не вровень с Палаком. Естественно, поэтому, предполагать у Савмака какую-нибудь форму семейной связи или приближенности к дому Скилура»*. Оба

утверждения бездоказательны, с уверенностью можно говорить лишь о том, что Савмак был воспитанником боспорского царя Перисада V. О чем прямо говорится в «Декрете»: *«Когда же скифы с Савмаком во главе подняли восстание и убили воспитавшего его боспорского царя Перисада»*. Иногда можно услышать мнение о том, что этим самым воспитанником был либо Диофант, либо Митридат. Однако подобные версии ничем не подтверждаются и выглядят достаточно сомнительно, в то время как предположение о том, что именно Савмак был воспитанником последнего Спартокида, достаточно логично.

Само имя нового базилевса Боспора говорит о том, что он был скиф по происхождению. Как мы помним, немалое количество скифских аристократов служило в рядах боспорской армии, и скорее всего, Савмак мог быть представителем одного из этих кланов. И то, что бездетный Перисад взял его на воспитание, тоже удивления не вызывает. Натиск сарматов и других варварских племен на восточные границы Боспорского царства становился всё сильнее, а скифы, как известно, оказывали в борьбе с ними военную помощь Пантикапею. Поэтому, беря к себе в дом на воспитание маленького скифа знатного рода, Перисад тем самым ещё больше укреплял дружеские связи с правителями Малой Скифии.

Мы не знаем, планировал ли базилевс сделать Савмака своим преемником на троне, но такой возможности исключать нельзя. В этом случае как раз и становится объяснимым тот факт, что во главе восставших оказался именно Савмак и ни кто другой. Молодой скиф уже считал себя будущим базилевсом, но передача власти Перисадом Митридату нарушила все его планы. Причем не только его, но всех скифов на Боспоре. Что случилось в дальнейшем, мы знаем.

Однако разногласия среди историков касались не только личности вождя восставших, но и самого характера движения. Снова приведу два абсолютно разных взгляда на проблему. А. К. Гаврилов выдвигает свою версию развития событий и действий Савмака: *«Ворвавшись из скифских пределов в боспорскую столицу, он убивает последнего Спартокида, преследует и Диофанта, слишком рано после победы распустившего свои воинские контингенты»*. Но это совершенно недоказуемо. К тому же в «Декрете» четко говорится о том, что Савмак поднял восстание, а не организовал вторжение. Ведь в случае внешней угрозы эллины Боспора Киммерийского сплотились бы вокруг Перисада для отражения вражеского нападения. К тому же не надо забывать, что совсем недавно Малая Скифия была наголову разгромлена Диофантом, и Савмаку там просто не у кого было искать поддержки. Претендент на трон мог рассчитывать только на свои силы.

С. А. Жебелев трактовал это выступление как классическое восстание рабов, ставя его в один ряд с рабской войной на Сицилии и движением Аристоники в Малой Азии. *«Это – не дворцовый переворот, произведенный при помощи скифов раздосадованным на Перисада Савмаком; это и не борьба деревни с городом; это – восстание скифских рабов, объединившихся вокруг доморощенного царского раба»*. Однако никаких свидетельств письменных источников, которые могли бы подтвердить данную версию, нет. Но некоторые ученые, в частности В. Ф. Гайдукевич, решили привлечь для решения проблемы данные нумизматики.

В Государственном историческом музее, а также в музеях Берлина и Лондона находятся семь монет, которые, как считалось, были выпущены во время правления Савмака, поскольку надпись на них можно прочесть как «базилевс Савмак». Правда, существует иная точка зрения, согласно которой эти монеты были отчеканены царем Колхиды Савлаком. Но мы разберем только первую версию. На монете изображена голова в лучевой короне, что подразумевает либо изображение бога солнца Гелиоса, либо самого Савмака в виде этого бога. На данном основании В. Ф. Гайдукевич делает вывод об идейной близости между восстанием на Боспоре и народным движением в Малой Азии под предводительством Аристоники. Посмотрим, насколько это могло соответствовать реальности.

В 133 г. до н. э. Пергамское царство по завещанию царя Аттала III отходит Римской республике – ситуация очень схожа с ситуацией на Боспоре, где Перисад V передал власть Митридату. Но на этом, собственно, всё сходство и заканчивается. Дело в том, что у Аттала был брат Аристоник, который хоть и считался незаконнорожденным, поскольку его матерью была царская наложница, но тем не менее...

Будучи внебрачным сыном царя Эвмена II, Аристоник посчитал, что с ним обошлись несправедливо, и решил отстаивать свое право на трон с оружием в руках. С другой стороны, простой народ Пергамского царства был недоволен тем, что его просто взяли и подарили римлянам, которые на всю Ойкумену славились своей алчностью и жестокостью. Интересы претендента и большей части населения страны пересеклись в одной точке, и в итоге грянул такой мощный социальный взрыв, что содрогнулась вся Анатолия. Аристоник объявил себя базилевсом Эвменом III и при поддержке народа вступил в борьбу с Римом.

Победы сменились поражениями, и, потерпев неудачу в сражении на море, Аристоник отступил от побережья: *«Он бежал из Смирны, скрылся на материке, где поспешно собрал толпу бедных людей и призванных к свободе рабов; назвал он их Гелиополитами»*. Иными словами, царь открыто провозгласил, что его подданные отныне свободные граждане города Солнца. Понятно, что как у рабов, так и у беднейших слоев населения Пергамского царства эта идея вызвала неподдельный энтузиазм, и у движения Аристоники открылось второе дыхание. Новые тысячи людей изъявили желание сражаться за своего царя. Апофеозом восстания стал разгром римской армии под командованием Публия Красса в 131 г. до н. э.

Обратим внимание вот на какой момент. Вряд ли Аристоник планировал столь радикально изменить государственную систему, как об этом заявлял публично. Скорее всего, демагогическая политика последнего пергамского базилевса преследовала вполне конкретную цель – получить дополнительные людские ресурсы для борьбы с Римом. И надо признать, что это ему удалось, ибо людям свойственно выдавать желаемое за действительное. Впрочем, Аристоник был далеко не первым и не последним, кто пошел таким путем. В Ольвии Понтийской, во время осады города македонским полководцем Зопирионом, рабам дали свободу, чтобы они с оружием в руках отстаивали независимость полиса. Так было на Сицилии при обороне города Моргантины от армии восставших рабов. Даже в Риме после катострофы при Каннах из рабов сформировали два легиона и направили на войну с Ганнибалом.

Однако силы были неравными. Римский сенат привлек к участию в войне царей и династов Малой Азии, в том числе и отца Митридата Евпатора, Митридата V. Аристоник был разбит, осажден в городе Стратоникее и в итоге попал в плен к врагам. После этого прошло много лет, а потому вряд ли про идеи Аристоники могли вспомнить на Боспоре. Да и менталитет у скифов был другой, не им было думать о всеобщем равенстве и забивать себе голову разной идеологической чепухой.

Но с другой стороны, ничего не мешало Савмаку действовать подобно Аристонику и привлечь на свою сторону помимо скифской аристократии и оседлых скифов-земледельцев широкие народные массы и рабов. В канун решающей схватки с Митридатом за трон Боспора Савмак мог обещать своим подданным всё, что угодно. Потому что знал, с каким страшным противником предстоит сражаться. Примечательно, но судя по всему, нового базилевса поддержала и армия, поскольку в противном случае ему вряд ли бы удалось утвердиться на троне.

Как мы помним, в канун восстания на Боспоре существовало две партии – одна требовала передать бразды правления Митридату, другая же выступала против того, чтобы на троне в Пантикапее уселся чужеземец. Царь Понта всячески поощрял и поддерживал тех, содействовал его притязаниям, но вот на что могли рассчитывать его противники? Ответ может быть только один – на помощь правителей Малой Скифии. Здесь выгоды были обоюдные.

Если бы Савмак утвердился на троне Боспора, то тогда царь Палак, опираясь как на военные, так и на финансовые возможности надежного союзника, легко бы расправился с Херсонесом и вышел победителем в противостоянии с Диофантом. Имея такой мощнейший тыл, царь Скифии смог бы проводить гораздо более активную внешнюю политику в отношении соседних сарматских племен.

Но и Боспорскому царству такой расклад сулил несомненные выгоды. Используя военный потенциал скифов, Савмак мог запросто очистить государство от старой прогнившей элиты, которая свои собственные интересы ставила выше интересов страны. Мог задействовать войска своих верных союзников на территории Азиатского Боспора в борьбе против сарматов и других племен. Поэтому можно говорить о том, что если бы боспорские скифы сумели захватить и удержать власть, это пошло бы на пользу всему региону. Главной бедой для Савмака и его сторонников стало то, что Диофант разгромил Палака до того, как на Боспоре произошел государственный переворот. Молниеносные действия стратега Митридата позволили ему одолеть врагов поодиночке.

Ошибаясь относительно идеологической подоплеки восстания, В. Ф. Гайдукевич оказался прав в главном: *«Во всяком случае, в тексте декрета государственный переворот на Боспоре представлен как результат восстания скифов, объединившихся вокруг Савмака, а не как заговор Савмака, привлечшего скифов для достижения своей личной цели»*. Как следует из текста «Декрета», Савмак лично убил Перисада, а был он после этого объявлен царем или же сам себя им провозгласил, история умалчивает. По крайней мере, в «Декрете» он царем не назван.

* * *

В тот момент, когда Савмаком был убит Перисад V, Диофант находился в Пантикапее. Но стратег никак не мог повлиять на ситуацию, поскольку не имел под рукой войск, а с другой стороны, он явно не был готов к такому повороту событий. Иначе он бы не оказался беззащитным перед лицом смертельной опасности. Но восставшие не расправились сразу с Диофантом, и это стало самой большой их ошибкой. Не желая сразу же демонстративно сориться с Митридатом, Савмак решил выждать какое-то время, а затем тихо убрать полководца. Недаром «Декрет» сообщает, что *«против Диофанта составили заговор»*. Удивительно, но у стратега так и не получилось бежать из Пантикапея самостоятельно. Это может свидетельствовать только об одном – ни одно судно не решилось взять к себе на борт полководца Митридата. А произойти это могло только в том случае, если власть нового базилевса была крепкой и его волю боялись преступить. Бежать же из Пантикапея сушей было глупо, поскольку конные скифские отряды легко бы догнали стратега.

Спасли Диофанта херсонеситы. Они прислали за ним корабль, на котором прославленный военачальник и удрал в Херсонес. Этот город должен был стать базой понтийской армии для подготовки к грядущей войне. О том, как разворачивались боевые действия во время войны с Савмаком, можно говорить лишь предположительно. Поэтому то, о чем будет рассказано дальше, есть лишь моя реконструкция событий и не более того. Каждый волен принимать её или нет.

* * *

Диофант, сын Асклепиодота, готовился к войне с Боспорским царством. Стратег отдавал себе отчет в том, что эта война будет гораздо сложнее скифской. Ведь в распоряжении Савмака не варварские орды скифов и сарматов, а первоклассная армия, подготовленная ещё царем Перисадом. Греческие и фракийские наемники ни в чем не уступят ветеранам Дио-

фанта, а скифские лучники запросто подавят критских стрелков, поскольку их значительно больше. Что же касается кавалерии, то и здесь у базилевса был подавляющий перевес. Но решающую роль могло сыграть то, что стратег будет действовать в отрыве от своей базы в Херсонесе, а Савмак сможет рассчитывать на ресурсы городов Боспора. Было над чем поломать голову полководцу Митридата.

Проблема заключалась в том, что у Диофанта не было времени. Чем дольше он не начнет боевые действия, тем сильнее укрепится Савмак на троне. Подтянет новые отряды земляков из Малой Скифии, окончательно склонит на свою сторону эллинское население городов Боспора, а затем подчинит Фанагорию и остальные земли по ту сторону пролива. Вот тогда Савмака из Пантикапея не выбить. И кто его знает, какие мысли после этого посетят сыновей Скилура. А союз между Боспором и Скифским царством в данной ситуации представлял для Диофанта смертельную опасность.

Поэтому стратег готовился к грядущей войне самым тщательным образом. Так, как никогда раньше. Понимая, что наличных сил может и не хватить, военачальник попросил у Митридата подкреплений. Ставки в предстоящем противостоянии были велики, и Диофант знал, что не имеет права на ошибку. Все его прошлые успехи не будут стоить и медного обола²¹, если Боспор Киммерийский не признает власть Евпатора.

Полководец решил действовать исходя из сложившейся обстановки. Идти через всю Тавриду и атаковать Боспор с запада было безумием. Во-первых, потому что у Савмака было преимущество в коннице, и в этом случае он мог атаковать армию вторжения на марше, нанеся ей значительный урон ещё до решающего столкновения. А во-вторых, именно на западе была построена древняя система оборонительных сооружений Боспорского царства. Это прежде всего так называемые Тиритакский вал и Аккосов вал.

Как уже отмечалось, Тиритакский вал был построен в эпоху Археонактидов. Общая протяженность его была 25 км, и, начинаясь у Меотиды, он заканчивался у города Тиритака. Аккосов (или Киммерийский) вал был гораздо более мощным сооружением. Он проходил к западу от Тиритакского вала и достигал в длину до 40 км, протянувшись от Меотиды до Понта Эвксинского. Постройку этого мощнейшего оборонительного пояса относят к IV–III вв. до н. э. Высота валов, на которых стояли оборонительные башни, достигала восьми метров, а пятиметровый ров затруднял подступы к укреплениям. Портовый город Киммерик, находившийся за линией укреплений на побережье Понта Эвксинского, мог служить прекрасной военной базой для обороны региона. Поэтому Диофант и считал безумием атаковать границы Боспора с запада. А в том, что все свои войска Савмак отправит именно сюда, стратег не сомневался.

Можно было атаковать Пантикапей с моря, используя флот, но проблема заключалась в том, что от Киммерийского вала до Пантикапея было не так уж и далеко. Савмаку ничего не стоило перебросить войска на помощь столице, и вот тогда армия Митридата оказалась бы между молотом и наковальней. Со всеми из этого вытекающими последствиями требовалось иное решение, и Диофант его нашел.

Главный удар стратег решил нанести по Феодосии. В случае успеха, понтийский военачальник получал отличный плацдарм для дальнейшего наступления на Боспор. Окопавшись в городе и превратив его в свою базу, Диофант мог угрожать уже непосредственно Пантикапею. С другой стороны, если что-то пойдёт не так, то понтийская армия могла укрыться за стенами Феодосии и держать оборону, получая по морю снабжение из Понта и Херсонеса. Поэтому сын Асклепиодота решил все усилия сосредоточить на захвате Феодосии, а в дальнейшем действовать исходя из сложившейся стратегической ситуации.

²¹ Обол – мелкая медная монета в Древней Греции.

* * *

В начале весны Диофант отдал приказ своей армии грузиться на корабли. Кроме понтийских ветеранов стратег мобилизовал и гражданское ополчение Херсонеса, бросив против восставшего Боспора все силы, которые можно было собрать в регионе. Надежда была только на победу, поскольку о том, что произойдет в случае поражения, никто даже думать не хотел. Диофант понимал, что Митридат запросто может снять с него голову за неудачу, а херсонеситы отдавали себе отчет в том, что если победит Савмак, то в самом ближайшем будущем их город падет перед варварами. И неважно, откуда они придут – из Неаполя Скифского или Пантикапея.

Флот покинул Херсонес и взял курс на Феодосию. Стратег знал, что главные силы базилевс Боспора выдвинул на запад, ожидая нападения с этой стороны, и молил богов, чтобы Савмак не изменил план обороны. Диофант надеялся, что движение его флота останется незамеченным, поскольку именно фактор внезапности был залогом успеха.

Навархи рассчитали время так, чтобы понтийские корабли появились в виду Феодосии ночью. На палубах толпились готовые к бою сариссофоры, лучники, гоплиты, метатели дротиков и копий. Кормчие подгоняли суда на мелководье, тысячи воинов спрыгивали с высоких бортов и по пояс в ледяной воде устремлялись к берегу, где командиры собирали людей в отряды. С кораблей сгружали длинные штурмовые лестницы, мотки веревок с железными крюками, связки стрел и дротиков. Когда войско изготовилось к бою, вперед вышел Диофант и указал рукой на город. Армия Митридата пошла в атаку.

Железная лавина вражеских войск накатывалась на Феодосию, а в городе не чуяли беды. Горожане спокойно спали в своих домах, дремали на стенах и башнях караульные, а командиру гарнизона даже в голову не могло прийти, что враг уже у ворот. Понтийцы же приближались без боевого клича и победных криков, лишь лязгало оружие в темноте, да земля гудела от топота тысяч ног. И когда их всё-таки заметили, то было уже поздно.

Десятки лестниц были приставлены к крепостным стенам, сотни веревок с железными крюками вцепились в зубчатый гребень стены. Воины Диофанта как муравьи карабкались вверх, не обращая внимания на летевшие в них стрелы, копья и камни. Ревели боевые трубы, пробуждая ото сна воинов гарнизона и сея панику среди ничего не понимающих горожан. Хватая щиты, мечи и копья, скифы и фракийцы спешили к городским укреплениям, чтобы отразить вражеский натиск, но было уже поздно. Херсонесские гоплиты, изрубив немногочисленную стражу, спустились со стен в город и, сбив массивные засовы, распахнули тяжелые створки ворот. Армия Диофанта вступила в город.

Феодосия пала.

Но битва продолжалась на улицах и площадях обреченного города, наемники Савмака сражались отчаянно при свете факелов и сполохах пожаров. Противники рубились у домов и на ступенях храмов, на агоре и у дворца наместника. Группы защитников сшибались с отрядами Диофанта, звенели мечи, ломались копья, улицы были завалены телами убитых. Но враг наступал единым фронтом, а воины Савмака сражались неорганизованно, единое руководство в их рядах отсутствовало. Часть гарнизона вступила в бой с войсками стратега у городских ворот, надеясь остановить прорыв врага, а другая часть, наоборот, стала пробиваться из Феодосии. Упорные бои продолжались всю ночь и стихли лишь под утро, когда большинство защитников было перебито, а те, кому повезло, покинули город.

Ещё дымились обгорелые развалины, а на улицах не высохла кровь, как Диофант велел выгонять из домов и собирать на агоре горожан, чтобы объявить им волю победителя. Жители Феодосии всю ночь отсиживались по домам, закрывшись на крепкие запоры и при-

слушиваясь к грохоту сражения и треску пожаров, доносившихся с улицы. Теперь им предстояло узнать дальнейшую судьбу как города, так и свою собственную.

Стратег был краток. Он просто объявил горожанам о том, что отныне они являются подданными царя Митридата Евпатора. Со всеми вытекающими из этого последствиями. И измена монарху теперь будет караться по всей строгости военного времени. После чего Диофант покинул агору и отправился во дворец наместника, чтобы разработать план наступления на Пантикапей.

Полководец исходил из того, как бы поступил он сам, если бы был на месте Савмака. Ответ напрашивался один – бросил бы все наличные силы освобождать Феодосию. Это выглядело логично, и была большая вероятность того, что Савмак так и сделает. Но тогда у Диофанта появлялся шанс нанести удар там, где его никто не ожидает – по Пантикапею. Причем не по суше, где пришлось бы пробиваться с боем, а снова морем. Савмак просто не успеет вернуться назад. Знал Диофант и то, что многие эллины в Пантикапее недовольны господством скифов и в решающий момент окажут вооруженную поддержку понтийцам. А в случае падения столицы расклад на поле боя становился уже другим. Поэтому стратег принял решение дать войскам день отдыха, а морякам велел подготовить флот к новому походу. Надо было спешить, враг мог появиться у стен Феодосии в любой момент.

Когда разведчики донесли, что к городу движется армия Савмака, Диофант велел войскам грузиться на корабли.

* * *

Понтийская армия стояла у ворот Пантикапея. Прикрывая глаза рукой, Диофант изучал городские укрепления. Восходящее солнце ярко освещало крепостные стены, на которых толпилось множество воинов. В утренних лучах блестели шлемы фракийцев, сверкали клинки мечей и острия копий. На башне у городских ворот стояла группа людей в ярких одеждах и сверкающих доспехах, судя по всему, это они руководили обороной столицы. Застать врасплох гарнизон Пантикапея не удалось. Об этом наглядно свидетельствовал чёрный дым, который поднимался из-под котлов с кипятком и кипящим маслом. Предстоял лобовой штурм, но у стратега не было выбора, поскольку он не сомневался, что осажденные уже послали за помощью. Понтийцев было значительно больше, и это надо было использовать. Город необходимо было взять до того, как армия Савмака вернется от Феодосии назад.

Боевые трубы протрубили атаку, и армия Митридата пошла на приступ. Стоявшие на стенах и башнях скифы натянули луки, и тысячи стрел посыпались сверху на тяжелую пехоту Диофанта. Передние ряды атакующих повалились на землю, но новые бойцы устремились вперед, достигли подножия укреплений и, приставив осадные лестницы, стали карабкаться наверх. Со стен полетели камни, копья, полилось кипящее масло. На земле сразу же выросли кучи обожженных и раздавленных тел, но понтийские ветераны и гоплиты Херсонеса продолжали упорно лезть на стены. Видя, что врага не остановить, скифские лучники ушли в башни и оттуда продолжили расстреливать пехотинцев Диофанта. Фракийские наемники вытащили из ножен мечи и приготовились к бою. В это время понтийцы и греки взобрались на гребень стены, и по укреплениям Пантикапея разлилась рукопашная схватка.

Фракийцы бились храбро и умело. Они были профессионалами и отлично знали свое дело. Воинов Митридата рубили фальксами и махайрами, кололи кинжалами, сбрасывали вниз ударами щитов. Но новые бойцы поднимались по лестницам, протискивались между зубцами и вступали в сражение. Железное кольцо битвы охватило Пантикапей, но перевеса пока не достигла ни одна из сторон – армия Диофанта не могла прорваться за линию укреплений, а у гарнизона не хватало сил отбросить врага от города.

Но судьба по-прежнему была благосклонной к стратегу. В решающий момент боя те из жителей Пантикапея, кто не желал господства скифов и держал сторону Митридата, с оружием в руках вышли на улицы города. Изрубив стражу, они распахнули городские ворота и впустили в столицу армию Диофанта. Поток вражеской тяжелой пехоты хлынул в город. Фракийцы и скифы ещё продолжали успешно отбивать вражеский натиск на стенах, а треть Пантикапея уже была захвачена противником.

Войдя в город, Диофант распорядился очистить стены от защитников, а также немедленно занять акрополь и гавань. От пленных он уже знал о том, что обороной города руководит сам Савмак, а потому хотел взять базилевса живым, перекрыв ему все пути отступления. Но и воины гарнизона, видя, что город фактически пал, массами покидали стены, прорываясь по направлению к акрополю и гавани. Одни хотели как можно скорее покинуть Пантикапей, другие же решили закрепиться на новых позициях и держаться до подхода армии.

Бои шли по всему городу, но бойцы Диофанта одолевали. Правда, в гавани скифам и фракийцам удалось захватить несколько кораблей и благополучно отплыть, но их никто не преследовал, поскольку стратег все силы бросил на штурм акрополя, где засел Савмак. Наемники едва успели затворить ворота крепости и разбежаться по стенам, как начался приступ. Гоплиты били бревном в ворота, а тяжеловооруженные пехотинцы Диофанта снова полезли на стены. Их сбивали стрелами, камнями и копьями, рубили мечами и боевыми топорами, но они продолжали взбираться наверх нескончаемым потоком.

Базилевс Савмак сражался как простой воин, отражая градом сыпавшиеся со всех сторон удары и одновременно отдавая приказания подчиненным. Защитники акрополя стояли насмерть, и в какой-то момент показалось, что им удастся отразить вражеский натиск. Но силы уже были не равны, отбитые в двух местах, понтийцы прорвались за линию укрепления в пяти других. Сражались у царского дворца, у подножия башен, но это была уже агония, шансов на успешный исход битвы у защитников не было.

Савмак вместе с телохранителями отступил к храму Аполлона и на его ступенях принял последний бой. Позолоченные доспехи базилевса были иссечены, шлем помят, щит изрублен, а клинок затупился. Но царь Боспора бился отчаянно, решив дорого продать свою жизнь. Однако Диофант дал своим воинам строжайший приказ брать Савмака живым, и понтийцы не посмели ослушаться своего полководца. Телохранителей базилевса фалангиты перекололи сариссами, а его самого сбили с ног и прижали к земле щитами. Затем, скрутив веревками, отвели к стратегу, а тот распорядился заковать пленника в цепи и под усиленной охраной отправить на корабль.

Последних защитников акрополя добились в царском дворце. Битва за Пантикапей закончилась.

* * *

Падение столицы и пленение Савмака оказались кульминацией войны на Боспоре. Другого лидера местные скифы выдвинуть не смогли, армия распалась, а воины просто разошлись в разные стороны. Кто подался в Малую Скифию, кто в Ольвию Понтийскую, а кто отправился во Фракию. Местные же крестьяне просто вернулись по домам.

Скупые строчки «Декрета» не донесли до нас подробностей штурма столицы Боспорского царства армией Диофанта. Но то, что он был ожесточенным, сомнений не вызывает. Дело в том, что система укреплений столицы очень удачно вписывались в ландшафт, и это отметил Страбон: *«Пантикапей представляет собой холм, населенный со всех сторон в окружности на 20 стадий. На восточной стороне города находится гавань и верфи приблизительно на 30 кораблей; есть там и акрополь»*. Как видим, само местоположение города наводит на мысль о том, что решающая битва за Таврику стоила стратегу дорого.

В «Декрете» вся кампания против Боспора укладывается в несколько строк. Там просто сказано, что Диофант *«взял Феодосию и Пантикапей, виновников восстания наказал, а Савмака, убийцу царя Перисада, захватив в свои руки, выслал в царство Митридата»*. Обратим внимание на то, что в тексте конкретно прописано, что стратег именно взял эти города. А это подразумевает либо штурм, либо осаду. Но на осаду у Диофанта времени не было.

Из этого же текста следует, что после взятия Пантикапея полководец Митридата обрушил репрессии на сторонников Савмака. Но в чем они заключались и насколько были жестоки, мы никогда не узнаем. То же самое можно сказать и о судьбе бывшего базилевса. О том, что он был казнен, нет никаких сведений, и здесь можно предполагать всё что угодно, поскольку Евпатор мог его убить, мог посадить до конца дней в темницу, а мог и оставить на свободе. Ведь путь Савмаку на Боспор после того, как все его сторонники были либо перебиты, либо разбежались, был заказан. А Митридат не отказался бы иметь среди своих приближенных умного и смелого человека. Другое дело, согласился ли бы на это Савмак.

Впрочем, можно предположить, что и судьба победителя была незавидной. После своего блестящего триумфа в Тавриде Диофант навсегда исчезает из поля зрения античных историков. Как будто и не было его. Здесь тоже много чего можно нафантазировать, но, скорее всего, прославленный полководец просто угодил в опалу у Митридата. Говорить о том, что Евпатор банально позавидовал славе своего военачальника, на мой взгляд, глупо, царь Понта такой ерундой никогда не занимался. Он уж если и наказывал своих полководцев, то наказывал действительно за дело. Тогда, когда они переступали грань дозволенного, выходили за пределы своих полномочий и их деятельность начинала идти вразрез с планами царя. Это мы увидим в дальнейшем.

Граждане Херсонеса не скупилась на дифирамбы стратегу: *«Диофант, сын Асклепидора, синопеец, будучи нашим другом и благодетелем, а со стороны царя Митридата Евпатора пользуясь доверием и почетом не менее всякого другого, постоянно является виновником блага для каждого из нас, склоняя царя к прекраснейшим и славнейшим деяниям»*. В городе Диофанта увенчали золотым венком, а его медную статую в полном вооружении водрузили на акрополе у алтаря Девы. Было от чего закружиться голове у полководца! Скорее всего, пребывая на вершине успехов и купаясь в лучах заслуженной славы, Диофант утратил чувство меры и стал позволять себе гораздо больше, чем следовало. Что и было замечено Митридатом, который не терпел подобных вольностей.

Подвиги Неоптолема

О том, что произошло после отставки знаменитого полководца, нам известно только из труда Страбона, да и сами эти сведения носят обрывочный характер. Рассказывая о Боспоре Киммерийском, ученый сообщил следующую информацию: *«Ледяной покров же там, в устье Меотийского озера, столь крепок, что в какой-то местности зимой полководец Митридата одержал в конном строю победу над варварами, сражаясь на льду, впоследствии там же летом, когда лед растаял, он разбил их в морском сражении»* (II, I, 16). В книге VII, III, 18 Страбон вновь возвращается к этой теме и отмечает, что *«в этом проливе, как передают, Неоптолем, полководец Митридата, летом разбил варваров в морском сражении, а зимой – в конной стычке»*. Как видим, информация очень скудная.

Но кое-что мы все же можем узнать. Прежде всего, что Диофанта сменил стратег Неоптолем. Не надо думать, что новый командующий как полководец уступал своему предшественнику и что Митридат прислал на столь ответственный пост серую посредственность, чтобы самому спать спокойно. Дело в том, что Неоптолем приходился родным братом талантливому военачальнику Архелая, который был на очень хорошем счету у царя и со временем стал его первым стратегом. Плутарх в биографии Гая Мария отмечает, что его герой хотел вести легионы на восток, *«в Каппадокию и к Эвксинскому Понту сражаться с Архелаем и Неоптолемом»*. Аппиан, рассказывая о Митридате, отметит, что *«военачальниками у него были два брата – Неоптолем и Архелай»*. В дальнейшем историк называет Неоптолема как *«второго военачальника Митридата»*. Во время первой войны понтийского царя с Римом Неоптолем проявит себя с самой лучшей стороны в битве на реке Амний и станет одним из главных творцов победы.

Что же касается вопроса о том, откуда стратег был родом, то здесь нам дает ответ Плутарх, который устами Суллы обращается к брату Неопотлема: *«Так, значит, ты, Архелай, каппадокиец и раб»*. Понятно, что под рабами римляне подразумевали всех подданных Митридата, поскольку сами выросли на республиканских ценностях. Но для нас принципиальным является то, что будущий диктатор назвал то место, откуда братья были родом – Каппадокия.

Подведем первые итоги. Отстранив Диофанта от командования, Митридат прислал на его место в Таврику не менее значимую фигуру. Значит, дело здесь не в том, что Диофант сосредоточил в своих руках слишком большую власть, а в том, что он действительно возомнил о себе слишком много. Неоптолем, судя по всему, был гораздо более лояльным человеком, да и на поле боя в дальнейшем отлично себя зарекомендовал. Одним словом, выбор Митридата оказался удачным.

Ситуация, которая на данный момент сложилась в Боспорском царстве, была достаточно сложной. Династия Спартокидов прервалась, самозванный базилевс Савмак закован в цепи и отвезен в Понт, в стране разброд и шатание. Экономика государства в глубоком кризисе. Победоносный полководец Диофант отстранен от командования и отозван Митридатом в столицу, а в войсках идет брожение, поскольку причины опалы непонятны рядовому составу. Одним словом, сложилось такое положение дел, которое само по себе провоцировало вторжение извне.

Что в итоге и произошло.

Страбон не дает внятного ответа на вопрос, кто же напал на Боспор Киммерийский, он называет их просто варварами. Но под этим понятием подразумевать можно кого угодно. Поэтому попробуем разобраться, кого же имел в виду географ и с кем сражались войска Неоптолема. Причем воспользуемся для этого работой самого Страбона.

Как мы помним, на восточном берегу Керченского пролива находились боспорские города Фанагория, Гермонасса, Горгиппия. Но варвары не идут на них походом, они, судя по всему, нацеливаются прямо на Пантикапей. Получается, что их целью был не банальный грабеж, а нечто большее. Поэтому можно предположить, что часть скифов, поддерживающих базилевса Савмака, сумела прорваться сквозь ряды войска Диофанта и уйти на Таманский полуостров. А когда их вождям показалось, что наступил удобный момент вернуть утраченные позиции на Боспоре, они решили перейти к активным действиям. Но поскольку собственных сил у скифов было недостаточно, то они решили заручиться поддержкой местных племен, проживающих около Меотиды. Страбон достаточно подробно расписал интересующий нас регион: *«Вокруг озера Меотиды живут меоты. У моря расположены азиатская часть Боспора и Синдская область. За ней обитают ахейцы, зиги, гениохи, керкеты и макропогоны»*.

В дальнейшем географ продолжает развивать тему: *«К числу меотов принадлежат сами синды и дандарии, тореаты, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски и некоторые другие. К ним относятся аспургианы, живущие на пространстве в 500 стадий между Фанагорией и Горгиппией»*. Затем Страбон сообщает ценнейшую информацию: *«Все азиатские меоты были подвластны частью владельцам торгового центра на Танаисе, частью же – боспоранам. Однако иногда то те, то другие поднимали восстание против своих властителей»*. Вполне возможно, что в смутные времена, которые последовали за смертью последнего Спартокида, меоты могли попытаться освободиться от боспорской зависимости.

С другой стороны, мы не знаем, как к этому относился Савмак. Вполне вероятно, что желая заручиться поддержкой меотов, он мог и пересмотреть боспорскую политику по отношению к этому народу. Поэтому, когда его уцелевшие соратники появились в районе Меотиды, меоты приняли их доброжелательно. И оказали всяческую поддержку. Но оговорюсь сразу, это просто моя версия развития событий и не более. Могло быть и по-другому.

Пойти в набег на Пантикапей могли не только меоты, желающих было хоть отбавляй. Те же ахейцы, зиги и гениохи: *«После Синдской области и Горгиппии, что на море, следует побережье ахейцев, зигов и гениохов, лишенное большей частью гаваней и гористое, так как оно является частью Кавказа»*. Главным занятием этих народов, по словам Страбона, был морской разбой, поскольку земля, которую они обрабатывали, была скудной. В набеги они ходят на небольших узких и легких лодках, вместимостью от 25 до 30 человек, которые греки называют камарами. Эти лодки были очень удобны в обращении, поскольку, не имея гаваней, пираты на плечах переносили камары в леса, где находились их селения. Когда же приходило время очередного набега, то они снова несли свои лодки к берегу. Точно так же ахейцы, зиги и гениохи действовали во время набега, когда прятали камары в подходящих местах, а сами разбредались по окрестностям, устраивая охоту на людей. Делалось это с целью получения выкупа, и, как только разбойничья флотилия отчаливала от берега, родственники пленников извещались о сумме, которую надо было уплатить. Постепенно ситуация выходила из-под контроля. Пиратские флотилии безнаказанно свирепствовали вдоль северных и восточных берегов Понта Эвксинского, наводя ужас не только на купеческие корабли и прибрежные территории, но и на приморские города.

Те меры, которые принимали правители соседних земель для борьбы с этим злом, были явно недостаточны. Успешные отражения пиратских набегов и нападения в открытом море на разбойничьи флотилии напоминали точечные удары и не могли решить проблему в целом. Для этого требовался целый комплекс последовательных мер, наподобие тех, которые в будущем реализует Великий Помпей, когда будет очищать от пиратов Средиземное море. И главным залогом успеха в этой борьбе становилась сильная централизованная власть, поскольку мелкие правители в силу различных причин были просто не в состоянии

скоординировать свои действия для победы в войне с пиратами. О чем здесь говорить, мы помним, как Страбон прямо указывал на то, что морским разбойникам *«помогают даже жители Боспора, предоставляя свои корабельные стоянки, рынок для сбыта добычи»*. Вот и получалось, что одни в меру своих сил с этим злом боролись, а другие содействовали.

По всему выходило, что именно для ахейцев, зигов и гениохов установление твердой и сильной власти на Боспоре было смертельно опасно, поскольку в этом случае приходил конец их пиратским набегам. Случилось же однажды, что в конце III в. до н. э. царь Эвмел сумел очистить регион от морских разбойников! А Митридат и подавно бы не потерпел, чтобы его владения подвергались грабительским набегам с моря. Поэтому есть весьма веские основания полагать, что именно эти племена приняли участие в зимнем походе на Боспор. С другой стороны, Страбон конкретно говорит о том, что летом на море Неоптолем нанес поражение тем же самым варварам, которых разбил зимой. А кто у нас хозяйничал на море? Правильно, те же самые ахейцы, зиги и гениохи.

Но здесь есть другой интересный момент. Дело в том, что перечисленные выше народы никогда не были сильны кавалерией, их стихией была война на море. И, тем не менее, они идут в поход вместе со скифами. Хотя, по большому счету, ничего удивительного в этом нет. Племенная знать с детства ездила на конях, и надо думать, что не только на охоту или в гости друг к другу.

Правда, был ещё один народ, представители которого могли принять участие в битве на льду – сарматы. Пусть в небольшом количестве, но они могли там быть. Потому что слух о походе на Боспор, который славился своим богатством, должен был быстро распространиться вдоль берегов Меотиды и привлечь степных воинов к участию в этом прибыльном мероприятии. В итоге, должна была собраться довольно пестрая коалиция, в которой главную роль играли племена ахейцев, зигов и гениохов.

Что же касается вопроса о том, почему было решено напасть на Пантикапей именно зимой, то ответ может быть только один – рассчитывали на внезапность и на то, что Неоптолем просто не сумеет вовремя собрать войска. Диофант, чья слава гремела по всему региону, был отстранен от командования и вызван к Митридату, а кто такой этот Неоптолем, варвары и понятия не имели. Поэтому и решились на войну.

Сам переход по льду через Керченский пролив союзников не пугал, для них это было в порядке вещей: *«Суровость холодов лучше всего обнаруживается в связи с тем, что происходит в устье Меотиды. Морской путь из Пантикапея в Фанагорию становится доступным для повозок, так что это не только морское путешествие, но и сухопутное»* (Страбон). Скифские военачальники и племенные вожди всё рассчитали правильно, за исключением одного, но принципиального момента – они недооценили Неоптолема. У стратега и разведка была поставлена хорошо, и войска он вовремя собрать успел. Не став дожидаться врага на своей территории, Неоптолем решил сыграть на опережение и дать ему бой там, где тот меньше всего ожидал – на льду Керченского пролива.

* * *

Стратег Неоптолем вел боспорскую конницу по скованному льдами проливу. Всадники ехали плотными рядами, поскольку полководец внимательно следил за тем, чтобы походная колонна не растягивалась. В рядах войска Неоптолема были не только боспорские бойцы, но также пафлагонские и каппадокийские наездники, прибывшие вместе с новым командующим из Понта. На битву шли и отряды скифов, признавших власть царя Митридата и теперь воевавших под его знаменами.

Густо валил снег, закрывая видимость, но стратег выслал вперед многочисленные дозоры и был уверен в том, что не разминется с противником. Его воины были готовы к бою

и в любой момент могли развернуться в боевые порядки. Но враг не появлялся, и понтийский полководец продолжал осторожно вести свое войско вперед.

Сквозь завесу снежного покрова прорвалась группа всадников и помчалась навстречу приближающейся колонне. Неоптолем поднял руку, останавливая движение войск. Военачальник уже догадывался о том, какую весть ему сообщат разведчики, но всё равно не спешил отдавать команды. Когда же его опасения подтвердились, стратег велел воинам разворачивать строй. Варвары приближались, но полководец не сомневался, что успеет закончить все перестроения. В центре Неоптолем поставил боспорских и скифских наездников, а на флангах тяжелую каппадокийскую и пафлагонскую конницу. Его замысел был прост – втянуть противника в рукопашный бой по центру, а затем массовой атакой панцирной кавалерии разбить врага на флангах и взять в кольцо.

Снег, валивший с самого утра, прекратился, и стратег увидел, как по плоской белой равнине, в которую превратился пролив, движется множество черных точек. Солнечный луч пробился сквозь низкие свинцовые облака, и Неоптолем, прикрыв глаза рукой, продолжал вглядываться в надвигающееся вражеское войско. Варвары волной накатывались на армию Митридата. Мчались в бой, размахивая мечами и потрясая копьями, ахейцы, зиги и гениохи. Взяв длинные пики наперевес, неслись на вражеские ряды, защищенные тяжелыми панцирями из конских копыт сарматы. На полном скаку натягивали луки скифы.

Неоптолем не спеша проехал вдоль рядов своих всадников и подал знак трубачу. В ответ на протяжное пение боевой трубы взревели боевые рога скифов, и их конные лучники выехали вперед из рядов боспорского войска. Вновь пропела труба, и град стрел обрушился на приближающихся варваров. Вздрыблились и покатались по льду подстреленные кони, десятки всадников вылетели из седел и полетели под копыта бешено мчавшихся лошадей. А скифы Неоптолема продолжали опустошать свои колчаны, в буквальном смысле засыпав врагов стрелами. Бились на льду раненые лошади, сотни людских и конских тел затрудняли варваром продвижение вперед, и их натиск замедлился, а ряды смешались. Видя, что вражеское войско пришло в расстройство, стратег решил использовать этот шанс и, вытащив из ножен махайру, ринулся в бой, увлекая за собой боспорскую конницу.

Сражение перешло в рукопашную, где всё решали индивидуальная подготовка и выучка бойцов. Убрав луки, схватились друг с другом на акинаках скифы, а сарматы побросали длинные пики, которые стали бесполезны и потащили из ножен тяжелые мечи. Каппадокийцы и пафлагонцы, в крепких пластинчатых панцирях, крушили палицами и боевыми топорами ахейцев и гениохов, которые постепенно пятились под этим мощным натиском.

Снова повалил снег, но накал битвы не ослабевал. Кони скользили и падали на льду, многие бойцы, лишившись своих лошадей, продолжали сражаться пешими. Выбитые из седел сарматы, скованные тяжелыми доспехами, барахтались в снегу, пытаясь подняться, и гибли под ударами боспорских наездников. Постепенно всадники Неоптолема стали одолевать. Первыми побежали зиги и гениохи, за ними развернули своих коней ахейцы. От погони их спасло только то, что воины стратега долго добивали сарматов и скифов. Когда же с ними было покончено, остальные варвары уже скрылись за снежной пеленой. Не желая напрасно рисковать в такой ситуации, Неоптолем приказал не начинать преследование.

Победа была полной и безоговорочной, зимний набег варваров на Паникапей потерпел неудачу.

* * *

Неоптолем прекрасно понимал, что отразив вражеское вторжение зимой, он, тем не менее, так и не разрешил главную проблему. Окончательно разбив соратников Савмака, стратег задумался о том, как решить проблему пиратства. Хотя сам ход событий подсказывал, что

промышлявшие морским разбоем варвары ещё вернутся. И вернутся на этот раз всей своей силой, на кораблях и камарах, чтобы ещё раз попытаться сокрушить понтийское господство на Боспоре Киммерийском. Поэтому Неоптолем не стал тратить время попусту, а как только пролив освободился ото льда, стал стягивать к Пантикапею, Нимфею и Тиритаке боевые корабли. Вербовал фракийцев, которые после пленения Савмака оказались не у дел и теперь с радостью были готовы снова поступить на службу. Люди стратега в Горгиипии и Гермонассе ловили каждый слух об ахейцах, зигах и гениохах. Через торговцев и рыбаков разведчики пытались выяснить, собирают варвары флот или нет, а если вдруг начнут подготовку к походу, то не Пантикапей ли будет их конечной целью?

Усилия даром не пропали, поскольку к середине лета стало известно о том, что объединенный варварский флот отплыл по направлению к Боспору Киммерийскому. Неоптолем медлить не стал и собрал все корабли в один кулак у города Нимфея. Стратег решил любой ценой не допустить вражеской высадки на берег, поскольку отдавал себе отчет в том, к каким последствиям это может привести. Боспорский флот численно уступал флоту пиратов, зато у Неоптолема были настоящие боевые корабли, которым противник мог противопоставить только захваченные купеческие суда, да небольшие камары. Но ахейцы, зиги и гениохи были уверены в своих силах, делая ставку на колоссальный опыт ведения боевых действий на море. Однако при этом упустили из виду, что одно дело грабить купцов и совсем другое – сражаться против навархов Митридата.

Увидев на горизонте вражеские суда, Неоптолем велел атаковать прямо по центру пиратского флота. Загремели барабаны келевстов²², задавая ритм гребцам, защелкали бичи надсмотрщиков, и, разрезая бронзовыми таранами морскую гладь пролива, корабли стратега пошли в атаку. На вражеских судах засуетились и забегали моряки, воины спешно разбирали оружие и становились вдоль бортов, а капитаны стали перестраивать флотилию в боевой порядок. Но было уже поздно. Мощный клин боспорских и понтийских кораблей врезался в гущу камар и пиратских судов, множество из которых, не выдержав таранных ударов, сразу же затонули.

Кормчие Неоптолема искусно направляли корабли на вражеские суда, таранами проламывая им борта и ломая весла. Тогда пираты изменили тактику и, пользуясь численным превосходством, решили взять неприятельские корабли на абордаж. Но боспорские и понтийские корабли были буквально набиты наемными фракийцами, боспорскими гоплитами и тяжелыми пехотинцами Неоптолема. Едва только камары окружали какое-либо вражеское судно и забрасывали его абордажными крючьями, как с высоких бортов в лодки прыгали фракийцы и рубили кривыми махайрами гребцов и воинов. Гоплиты и понтийские солдаты перебирались на корабли варваров и вступали с противником в рукопашную схватку, где перевес неизменно оказывался на их стороне. Изрубив команду, воины рассыпали по палубе угли из жаровен, после чего покидали обреченное судно.

Бой был жестоким и коротким, пиратские суда шли на дно одно за другим. Черный дым от сожженных кораблей расползлся над проливом, берега были усеяны деревянными обломками, и тысячи мертвых тел покачивались на волнах. Сотни людей барахтались в соленой морской воде, их вылавливали победители и, вытащив на палубу, скручивали веревками. Все большие корабли варваров были потоплены и сожжены, а камары разбиты ударами таранов или захвачены фракийцами. Разгром был невиданный, спастись удалось лишь тем из пиратов, кто самым первым бежал с поля боя. Неоптолем в очередной раз праздновал победу.

²² Келевст – начальник над гребцами.

* * *

Разбить объединенный флот ахеев, зигов и гениохов в Керченском проливе стратег Митридата мог только в одном случае – если они сами туда приплыли. Другого толкования известия Страбона здесь просто быть не может. Ещё раз процитирую географа: *«В этом проливе, как передают, Неоптолем, полководец Митридата, летом разбил варваров в морском сражении, а зимой – в конной стычке»*. Получается, что пираты были настолько уверены в своих силах, что рискнули атаковать Боспорское царство.

Неоптолем, после победы в ледовом сражении, должен был принять меры к возможному нападению варваров летом, что он, судя по всему, и сделал. Стратег проявил себя достойным преемником Диофанта, и можно говорить о том, что только после его побед власть Митридата над Боспором утвердилась окончательно.

Вскоре в зависимость от Понта подпадает и Ольвия. Этот город, расположенный на правом берегу Днепро-Бугского лимана, наряду с Херсонесом и Пантикапеем являлся важнейшим греческим центром в Северном Причерноморье. Так же как и Пантикапей, Ольвия была основана выходцами из Милета и к концу II в. до н. э. переживала трудные времена. Проблемы были те же самые, что и у эллинов Херсонеса – усиливающийся натиск варваров на город. Правда, ситуация в Ольвии была гораздо хуже, поскольку, в отличие от херсонеситов, которым угрожали только цари Малой Скифии, на город наступали и варвары с запада. В данный момент это были бастарны. Но поскольку скифы оказались загнаны в Таврику, то теперь ольвиополиты вступили в борьбу с сарматами – противостояние, в котором шансы эллинов на победу были минимальные.

Есть большая вероятность того, что именно Неоптолем возглавил поход на помощь Ольвии. Косвенным подтверждением этому служит сообщение Страбона, где ученый отмечает, что *«при устье Тираса есть так называемая “Башия Неоптолема”»*. Мало того, можно даже назвать примерную дату этого похода. В сочинении «Об удаче римлян» Плутарх приводит следующую информацию: *«Митридата, когда Рим был охвачен огнем Марсийской войны, отвлекали войны с сарматами и бастарнами»*. И если с сарматами понтийские войска могли столкнуться в регионе Прикубанья, то с бастарнами им просто негде было сражаться. Кроме как при защите Ольвии.

Что же касается Марсийской или Союзнической войны, то она происходила в 91–88 гг. до н. э., когда против Рима восстали племена его италийских союзников. И если допустить, что в войне с бастарнами и сарматами командующим был Неоптолем, то можно ещё больше сузить её временные рамки. Дело в том, что уже в 89 г. до н. э. мы видим стратега одним из командующих понтийской армией в битве на реке Амний. Да и царский посол Пелопид в том же году заявил римским военачальникам следующее: *«Друзьями, готовыми на все, что только он прикажет, являются для него скифы, тавры, бастрены, фракийцы, сарматы и все, кто живет по Танаису, Истру и вокруг Меотийского озера»* (Аппиан). А числиться в друзьях у Митридата к этому времени бастарны и сарматы могли только в одном случае – если боевые действия уже закончились и враждующие стороны замирились. И если это действительно так, то можно говорить о том, что царь Понта хотел как можно скорее развязать себе руки в Северном Причерноморье, чтобы начать войну против Рима.

Обращает на себя внимание и следующий момент. Дело в том, что среди вышеперечисленных друзей царя названы фракийцы. Но сведений о войнах Митридата с этим народом в письменных источниках нет. О боевых действиях против скифов, тавров, бастарнов и сарматов информация есть, а про фракийцев отсутствует. Скорее всего, здесь речь идёт просто о тех племенах, которые были дружественно настроены к базилевсу и враждебны римлянам. Это были меды, дарданы, бессы и скордиски. Поэтому их отношения с Евпатором

строились по принципу – враг моего врага мой друг. Вряд ли фракийские цари посылали под знамена Митридата свои войска, однако большое количество фракийцев служило в понтийской армии как в качестве простых наемников, так и на командных должностях.

В канун первой войны с Римом в определенной зависимости от Митридата оказались и города западного побережья Понта Эвксинского – Мессембрия, Тома, Одесс, Аполлония Понтийская и ряд других. Об этом свидетельствует тот факт, что там в течение некоторого времени чеканились монеты с портретом Митридата.

Здесь хотелось бы обратить внимание вот на какой момент. Есть большая вероятность того, что после победы над царем скифов и присоединения к своей державе Боспорского царства базилевс Понта принял титул Царь царей. Об этом свидетельствует надпись на постаменте статуи Митридата из некрополя Нимфея. Этот обломок мрамора был найден в 1975 г., сама же надпись восстановлена и переведена Е. А. Молевым. Датируют обломок постамента промежутком между 106 и 102 гг. до н. э. Как раз тем временем, когда вся Таврика склонилась перед Евпатором, что лишний раз говорит о том, что у Митридата были весьма веские основания для принятия такого титула. Вот как эта надпись звучит: *«Царя царей великого Митридата Евпатора Диониса (его статую) нимфейцы, своего спасителя и благодетеля, ставшего хозяином положения дел на Боспоре и подчинившего своей власти скифов»*.

В 1859 г. во время раскопок Фанагории был найден мраморный постамент, на котором была надпись времен царицы Динамии с указанием титула её легендарного деда. В этой надписи говорилось о том, что Динамия *«дочь великого царя Фарнака, сына царя царей Митридата Евпатора Диониса»*. Такой же титул Митридата указан в надписи на фрагменте известняковой плиты, найденной в 1993 г. при раскопках Танаиса.

Покорение Колхиды

Колхидой античные авторы называли земли восточного побережья Черного моря – территории современной Абхазии, западной Грузии и северо-восточной Турции. Эллинам она была известна прежде всего благодаря мифу о золотом руне, но уже Страбон относился к этой древней легенде скептически. Рассказывая о жителях Колхиды, ученый отмечал: *«В их стране, как передают, горные потоки приносят золото, и варвары ловят его решетками и косматыми шкурами. Отсюда, говорят, и возник миф о золотом руне»*.

К VI в. до н. э. племена колхов создают государственное образование, вошедшее в историю как Колхидское царство. Самых колхов историк Аппиан охарактеризовал как *«племя, помешанное на войне»*. Геродот говорит, что *«они темнокожие, с курчавыми волосами»*. Земля Колхиды была очень богата, что делало её привлекательной для завоевателей. *«Страна замечательна не только своими плодами (за исключением меда, который большей частью горчит), но и всем необходимым для кораблестроения. Она производит много леса и сплавляет его по рекам. Жители выделывают много льняного полотна, пеньки, добывают воск и смолу. Льняные ткани местного производства пользуются даже широкой известностью. Действительно, они вывозили льняные ткани в чужие страны, и некоторые, желая показать некое родство колхов с египтянами, находят в этом факте подтверждение своего взгляда»*. Оставим версию о родстве колхов и египтян на совести Геродота, поскольку именно «отец истории» первым запустил в обиход эту байку. Обратим внимание на тот момент, что с конца VI и до середины V в. до н. э. Колхида находилась под властью персидских царей из рода Ахеменидов. А Митридат по отцовской линии выводил от них свою родословную...

Кажется мелочь, но зная талант понтийского царя по поводу и без объявлять себя наследником царствующих монархов, можно не сомневаться, что этот факт он использовал в своих интересах.

Помимо Северного Причерноморья греческая колонизация затронула и восточные берега Понта Эвксинского. В VI в. до н. э. на месте современного города Сухума выходцы из Милета основывают колонию Диоскуриада, названную так в честь братьев Диоскуров, Кастора и Полидевка. Этот город впоследствии станет главным торговым центром эллинов в регионе. Что и было засвидетельствовано Страбоном: *«Диоскуриада является началом перешейка между Каспийским морем и Понтом и общим торговым центром для живущих выше и соседних народностей. Во всяком случае, в этот город собирается 70 народностей (согласно другим, которые вовсе не заботятся о действительности, даже 300). Все они говорят на разных языках, так как живут врозь и замкнуто в силу своей гордости и дикости. Большинство их – это сарматы, но все они кавказцы. Таковы мои сведения о Диоскуриаде»*. В наши дни руины древнего города находятся на дне Сухумской бухты.

Переселенцы из Милета основали и колонию Фасис, которая находилась в устье одноименной реки. Река Фасис – это современная Риони, одна из самых больших рек в Закавказье, истоки которой берут начало на склонах Большого Кавказского хребта. Она впадает в Черное море у города Поты. *«Через Колхиду протекает Фасис – большая река, берущая начало в Армении; она принимает притоки – воды Главка и Гиппа, текущие с соседних гор. Фасис судоходен до Сарapan – крепости, в которой может поместиться даже население целого города... На реке Фасис лежит одноименный город – торговый центр колхов, огражденный, с одной стороны, рекой, с другой – озером, а с третьей – морем... земля на морских берегах топкая и в устьях рек болотистая»* (Страбон). Согласно сообщению географа, от Фасиса до столицы Понтийского царства Синопы можно добраться за два или три дня пути по морю. Поэтому подчинение этого города было для Митридата задачей стратегической

важности, поскольку именно Фасис мог стать опорным пунктом понтийцев при завоевании Колхиды.

Основные сведения о населявших регион народах и племенах нам дает опять-таки Страбон. Отрывок из его «Географии» достаточно велик, но он стоит того, чтобы привести его полностью: *«К числу народностей, которые сходятся в Диоскуриаду, принадлежат и фтирофаги²³, получившие это имя от своей нечистоплотности и грязи. Поблизости живут и соаны, которые ничуть не уступают им в смысле неопрятности, но превосходят могуществом; и, быть может, они почти что самые воинственные и сильные из всех. Во всяком случае они господствуют над всеми народностями вокруг них, занимая вершины Кавказа, возвышающиеся над Диоскуриадой. У них есть царь и совет из 300 человек, как говорят, они могут выставить войско до 200 000 человек. Действительно, вся народная масса представляет боеспособную, хотя и неорганизованную силу.*

Некоторые называют их также иберийцами – одинаково с западными – от золотых россыпей, находящихся в обеих странах. Соаны применяют для наконечников стрел яд удивительного действия, который своим запахом приносит мучения даже не раненым отравленными стрелами. Прочие народности, живущие около Кавказа, занимают скудные и незначительные пространства земли; напротив, албанские и иберийские племена, которые как раз занимают большую часть вышеупомянутого перешейка, можно, пожалуй, также назвать кавказскими племенами. Они владеют плодородной землей и могут развить хорошее хозяйство».

* * *

К сожалению, информации о том, как Митридат подчинил своей власти Колхиду и народы, проживающие на восточном побережье Понта Эвксинского, очень мало. Гораздо меньше, чем о войнах базилевса против скифов и повстанцев Савмака. По большому счету, нам и о борьбе Евпатора за Таврику известно очень немного, но даже по сравнению с этим состояние письменных источников, повествующих о походах на Кавказ, удручает. А те, которые есть, противоречат друг другу. Поэтому будем разбираться.

Относительно Колхиды Аппиан замечает, что Митридат *«приобрел много пограничных земель: и колхов – племя, помешанное на войне»*. Но как приобрел, мирным путем или силой оружия, историк не говорит.

Вот что рассказывает по интересующей проблеме Страбон. Делая обзор земель, входящих в состав державы Митридата, ученый сообщает следующее: *«Кроме того, он приобрел побережье на западе до Гераклеи, родины Гераклида Платоника, а также и в противоположном направлении – побережье до Колхиды и Малой Армении; эти страны он присоединил к Понту»*. Как видим, в данном отрывке речь идет о том, что базилевс раздвинул пределы своих земель до границ Колхиды, а затем присоединил её к своей державе. И не более того. В дальнейшем, развивая тему, Страбон приводит аналогичную информацию: *«Скрепив свое могущество, Митридат Евпатор стал владыкой Колхиды»*. Здесь всё указано четко. Но каким образом царь это сделал, по-прежнему остается загадкой. Как и Аппиан, Страбон не стал вдаваться в подробности.

Затем начинаются разногласия. Историк Мемнон в своей работе «О Геракле» так пишет о Митридате: *«Путем войны он подчинил себе царей вокруг Фасиса вплоть до областей за Кавказом и таким образом возвеличил свою власть и чрезвычайно возгордился»*. Коротко и ясно – подчинил восточное побережье Понта Эвксинского военной силой.

²³ Дословно – поедатели вшей.

Но сведениям Мемнона полностью противоречит сообщение Юстина. Римский историк рассказывает о том, что на военном совете в канун первой войны с Римом Евпатор заявил своим полководцам следующее. Оказывается, Митридат *«единственный из всех царей владеет не только отцовским царством, но и чужеземными, приобретенными благодаря его широкой щедрости путем наследования, а именно – колхами, Пафлагонией, Боспором»*.

Получается странная вещь – один источник утверждает, что Колхида была завоевана, другой говорит о том, что она перешла под власть царя Понта по праву наследования. Как это совместить?

Мы знаем, как Митридат мастерски манипулировал такими вещами, как право наследования. Недаром Юстин упомянул Боспор и Пафлагонию. Добавив сюда Малую Армению, где Антипатр завещал Митридату свои земли, мы получим четкую картину того, как базилевс увеличивал своё царство. Ничего не мешало Евпатору что-то подобное проверить и в Колхиде. Вспомним, что базилевс считал себя потомком Ахеменидов, а Колхида когда-то входила в состав их державы. Пусть и небольшая, но зацепка была. С другой стороны, упоминание о *«широкой щедрости»* невольно наводит на мысль, что без подкупа здесь не обошлось. Поэтому отвергать сообщение Юстина у нас оснований нет.

Другое дело, что Колхида не была единым централизованным государством, о чём есть свидетельство Страбона. Рассказывая об этой земле, географ вспоминает легендарного Фрикса, выходца из Балканской Греции, женатого на дочери царя Колхиды Эета. Говоря о его наследниках, ученый делает интересное наблюдение: *«Последующие цари-преемники владели страной, разделенной на «скептухи»²⁴*. И если на Боспоре передача власти спровоцировала вооруженный мятеж, то и в Колхиде не все местные племенные князьки могли признать право Митридата на власть над ними. Вот этих однозначно пришлось бы приводить к покорности силой. Поэтому можно согласиться с тем, что сведения Юстина и Мемнона не противоречат, а дополняют друг друга.

Итоги деятельности базилевса Понта в Колхиде подводит Страбон: *«Когда власть Митридата Евпатора значительно усилилась, страна подчинилась его господству. Царь постоянно посылал туда кого-нибудь из “друзей” в качестве “наместника” или “правителя”. В числе этих “наместников” был Моаферн – дядя моей матери с отцовской стороны. Из этой страны царь получал больше всего помощи для оснащения своего флота»*.

На вопрос о том, когда же произошло присоединение Колхиды к Понтийскому царству, можно предположить, что это случилось в 105—90-х гг. до н. э. Данная версия подтверждается находками понтийских монет, отчеканенных в эти годы.

Таким образом, в результате походов полководцев Митридата была создана мощнейшая Черноморская держава, а сам Понт Эвксинский стал практически её внутренним озером. Лишь Вифиния и греческие города побережья Геллеспонта не подчинялись Евпатору, да и Гераклея Понтийская также сохранила относительную независимость. Но у Митридата были уже свои виды на эти земли, только до поры до времени он о них помалкивал.

На берегах Тибра сенаторы, разбуженные громом побед понтийского оружия, очнулись от безмятежной дрёмы и с тревогой посмотрели на восток – кто это там потревожил их спокойствие? И то, что они увидели, повергло их в состояние шока, ибо в Азии теперь появилась новая грозная сила, с которой властителям Ойкумены волей-неволей приходилось считаться. Проглядели! Прозевали!

«Отцы отечества» были неприятно удивлены тем, что буквально под боком у них возникло сильное государство, во главе которого стоял талантливый и энергичный правитель. Ведь вся римская политика сводилась к тому, чтобы не допустить вблизи своих границ образования стабильных и прочных государственных образований. А Митридат это сделал.

²⁴ Территориальные деления, во главе которых стояли царские наместники – «скептухи».

Мемнон прямо пишет о том, что *«благодаря этому римляне стали особенно подозрительно относиться к его замыслам и постановили, чтобы он возвратил царям скифов отцовские владения»*.

Сенаторы были хитры, но в этот раз не на того напали. Согласно сообщению Мемнона, базилевс Понта скромно внимал поучениям из Рима, а затем взял да и заключил со скифами союз официально. Вот и всё, формально не придерешься, и «отцам отечества» пришлось проглотить эту подслащенную пилюлю.

Что же касается Митридата, то больше всего его самолюбию льстила слава победителя скифов: *«Благодаря невероятно счастливой судьбе он покорил скифов, до него никем не побежденных»*. О том же сообщает и «Декрет», где сказано, что *«Митридат Евпатор первый поставил над ними трофей»*. Юстин тоже пишет о том, что Митридат *«единственный из всех смертных покорил весь Понт и Скифию, куда никто до него не мог проникнуть и остаться невредимым»*. Однако истинным победителем непобедимых скифов был не царь Понта, а его полководец Диофант, сын Асклепиодота. В том же «Декрете» четко сказано, что именно стратег *«обратил в бегство скифов, считавшихся непобедимыми»*, и именно благодаря этой победе прославился Митридат.

Но как бы там ни было, авторитет Евпатора как в Малой Азии, так и в Северном Причерноморье взлетел на небывалую высоту. Базилевс Понта, отныне именуемый себя не иначе как Царь царей, решил продолжить деятельность по расширению пределов своего царства.

Владыка Востока (106—90 гг. до н. э.)

Игры с огнем

Появление в Малой Азии могущественного государства, созданного Митридатом, вызвало настоящий переполох среди соседей – монархов. По большому счёту, они знали, что Евпатор ведет войны в Таврике и Закавказье, но никак не ожидали, что всё закончится так быстро. И когда понтийские стратеги победоносно закончили боевые действия в регионе Понта Эвксинского, правители лежащих рядом с Понтом земель задались вполне закономерным вопросом – кто следующий? Понимали, что теперь Митридат располагает колоссальными ресурсами и поэтому может себе позволить гораздо более активную внешнюю политику в Малой Азии. И в какую сторону теперь промаршируют понтийские фаланги, известно одним богам. Из державы региональной Понт неожиданно превратился в мировую державу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.